ФОМА 12+
православный журнал для сомневающихся • сентябрь 2018

СУЕВЕРИЯ

В чем соль примет
и почему Церковь
в них не верит

ePUB

Представляем версию 185-го номера православного журнала "ФОМА" для электронных книг и программ чтения книг в формате ePUB на мобильных устройствах.

Номер издан с сокращениями.

ВНИМАНИЕ!

Полный выпуск этого номера доступен в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить его оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Легойда. Каково население России?

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Алексей Варламов: Вера в Бога не дает тебе никаких автоматических преимуществ перед другими

ВОПРОС НОМЕРА: Почему так много людей верит в приметы?

Александр Ткаченко. Суеверующие: что с ними не так и можно ли это исправить

ВЕРА

Архимандрит Дамаскин (Орловский). Священномученик Владимир (Мощанский)

ЛЮДИ

Дарья Баринова. Как Пратхумтхип стала первой тайской матушкой

Учителя: истории, которые не забываются

Патриарх Кирилл. Подвиг учителя. Подвиг пастыря

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Александр Ткаченко. Народы в Евангелии

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Каково население России,

или О правильном образовании

Был я как-то в эфире одной телепрограммы на федеральном канале. Гости там — серьезные люди — говорили о серьезной проблеме: цифровой экономике будущего. И как к этому готовить школьников и студентов. Говорили, что мы сейчас все большие уходим от так называемого «знаниевого» подхода к компетентностному; то есть от образования знаний — к образованию практических навыков. Таких навыков, которые будут востребованы завтра. А поскольку главное, что мы знаем о завтра, — это то, что мы не знаем, каким оно будет, то и навыки должны быть соответствующими: то есть учить нужно действиям в условиях неопределенности, нужно учить решать нестандартные задачи и так далее.

Все, в общем, правильно говорили. Так и есть. Нельзя сегодня в школе или в институте учить так, как учили раньше. Даже десять лет назад. Не говоря уже о подходах двадцати-, тридцати- или тем более

пятидесятилетней давности. И про учиться принимать решения в неожиданных, в сложных и непредсказуемых ситуациях — все абсолютно верно. К таким ситуациям надо готовить, причем совершенно определенным образом.

Но, как и тогда в эфире программы, сейчас я хочу сделать три оговорки. Очень важных, как мне кажется. Первая — насчет образования знаний. Мы оправдываем свой отход от этой старой модели тем, что сегодня не надо хранить в памяти кучу всего, поскольку есть Интернет и «Гугл» с «Яндексом». Доступ к Сети становится все проще и качественнее, информации там все больше и так далее. Один вопрос: а что будет, если доступ этот вдруг исчезнет? Надолго или нет, не важно. Но пропадет. Совсем. Да ничего хорошего не будет. Знаете, когда я хочу взбодрить своих студентов, я им всегда говорю: «Выключили вам Интернет — и вы беспомощны». Преувеличиваю, конечно, но действует.

Второе. Информации действительно больше, и доступ к ней все проще. Но знания — это не информация. Знание — это еще и умение отделить полезную информацию от бесполезной, достоверную — от правдоподобной. И еще. Знание — это мировоззренческая категория. А мировоззрение не нагуглишь. Тут надо самому думать.

И третье… третье поясню на примере. Помню, разговаривал с одним студентом. Московского вуза. Чтобы никого не обижать, не буду говорить, какого. Студент-второкурсник на тот момент. Говорили о разном, но в процессе разговора так получилось, что возник вопрос о населении России. Ну, сколько сегодня в России живет человек. Знаете, что он сказал? Семь миллионов. Сегодня. В России-матушке. Понимаете? Какие решения в нестандартной ситуации может принять этот человек? С любыми навыками. Да даже думать не хочется.

К чему это я? Да так — информация к размышлению.

Владимир Легойда

Видеоверсию этой колонки смотрите на телеканале «Царьград» (tsargrad.ru)

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

«Я давно хотел написать роман, посвященный собственной молодости. Вспомнить то время и поблагодарить его. Тогда оно мне не слишком нравилось, казалось, что мы живем в ужасный век, в ужасной стране, вокруг кошмар и несвобода — и как же я был рад, когда в конце восьмидесятых все это рухнуло!..» — так рассказывает о замысле романа «Душа моя Павел» его автор, писатель, ректор Литературного института имени А.М.Горького Алексей Варламов. И добавляет, что теперь смотрит на те годы, на ту страну и на себя в ней по-другому. Мы поговоили с Алексеем Николаевичем о его новой книге и о личных переживаниях, которые стоят за ней.

Вера в Бога не дает тебе никаких автоматических преимуществ перед другими

Эта картошка изменила нашу жизнь

— Алексей Николаевич, а как сегодня, в конце 10-х годов XXI века, Вы смотрите на то время и на ту страну, речь о которых идет в Вашем романе?

— Сегодня дело не только в том, что какие-то вещи видятся иначе и советское время воспринимается как куда более сложное, неоднородное, и в нем все отчетливее различаются разные черты, просто помните у Иосифа Бродского: «Но пока мне рот не забили глиной, // Из него раздаваться будет лишь благодарность»? Когда-то эти строки из его уст меня поразили и не убедили. Эффектная концовка хорошего стихотворения. Теперь, мне кажется, я их понимаю.

— Уточните, пожалуйста, благодарность за что? За величие страны? За стабильность? За оптимизм советской идеологии? Или Вы о чем-то другом?

— Благодарность за жизнь как дар. Благодарность людям, которые тебя учили, окружали, принимали или отвергали и чувствовали то же самое, что и ты. Или чувствовали другое, но одновременно с тобой. Это, правда, понимаешь и начинаешь ценить только с годами. Роман ведь очень во многом автобиографический. Я тоже в 1980 году поступил после школы на филфак МГУ и меня тоже сразу же вместо лекций отправили на картошку. Тогда это нам не очень-то нравилось: с какой стати мы, студенты, если пришли учиться в лучший университет страны, должны картошку собирать, почему должны жить непонятно в каких условиях, вставать чуть свет, подчиняться бригадирам, мерзнуть, мокнуть, голодать? А сейчас думаю, что это, возможно, был один из самых лучших периодов моей жизни... Потому что со мной, со

всеми нами тогда произошла колоссальная жизненная перемена, невероятное расширение, углубление сознания, стремительный рост.

И кроме того там, на картошке, действительно был странноватый парень, ставший прототипом моего героя, Павла Непомилуева. Его многие не принимали, считали за дурачка, а на самом деле он был замечательный. Да и все остальные на самом деле были очень хорошие. И хотя иногда ругались, ссорились, задирались друг перед другом, выпендривались перед девчонками... ну как это бывает среди ребят, когда каждый хочет самоутвердиться, на самом деле все это было прекрасно, чудесно и замечательно, и именно поэтому мне захотелось об этом написать.

А остальное — то есть те идеи, те смыслы, которые я вольно или невольно вкладывал в текст и которые обсуждают читатели, — это уже пространство интерпретаций, и оно вторично.

Молодежь на сборе картошки, 1980-е годы, и молодые люди в Парке Горького в Москве, 2018 год. Фото Михаила Джапаридзе/ТАСС

— А какого читателя Вы представляли себе, когда писали роман? Ведь неправильно, наверное, говорить, что он написан для всех?

— Говорить, может, и неправильно, но все-таки именно так я и отвечу: роман написан для всех. Точнее, вот как: о читателе я думаю, когда пишу биографии писателей, а когда сочиняю свою прозу, то просто пишу. А там уж как получится.

Тем не менее, когда книга написана, можно, конечно, поразмышлять над тем, кому она, с моей точки зрения, покажется интересной. Ну, во-первых, филологам, потому что мой роман... я не назвал бы его филологическим, скорее, он антифилологический или контрфилологический. Но поскольку я отталкиваюсь от филологии, в каком-то смысле бодаюсь с ней, то созданная в романе атмосфера филологам могла бы быть любопытна. И споры моих героев об авторстве «Слова», о Пушкине, о Толстом, о смысле филологии, ее предназначении — тоже.

Далее, это могло бы заинтересовать тех, кто как-либо связан с проблемами образования, потому что, хотя формально действие происходит в 1980 году, там вполне очевидны приметы современности. Да, многое с тех пор изменилось, но многое осталось по-прежнему — начиная от проблем, связанных со вступительными экзаменами, и заканчивая отношениями в академической и университетской среде.

Возможно, мое сочинение было бы интересно молодым людям, поскольку это роман про молодых людей. Конечно, проблемы современного подростка во многом отличаются от тех, что были свойственны подросткам 40 лет назад, но многое осталось неизменным.

Также это может быть интересно тем родителям, которые пытаются понять, что с их детьми происходит на рубеже отрочества и юности и как сделать им лучше, а не хуже.

Наконец, это может быть интересно вообще всем людям моего поколения, в широком смысле слова, которым хочется сопоставить свое восприятие тех лет, свой опыт позднесоветской молодости с моими впечатлениями, с чем-то согласиться, с чем-то нет...

— Обсуждая со знакомыми «Душа моя Павел», я иногда слышал, что роман нельзя считать реалистическим, поскольку главный герой, Павел Непомилуев, совершенно выбивается из ряда тех героев, которые характерны для реалистической прозы, что он невероятен по своей сути. Некоторые говорят, что он ближе к героям Достоевского, прежде всего к князю Мышкину из «Идиота»...

— Любопытно, что сравнение с князем Мышкиным возникло и у одного из первых читателей романа и его издателя — Елены Даниловны Шубиной. Но, я когда писал, совершенно не думал о таких параллелях и никаких аллюзий на Достоевского не закладывал. Хотя, кстати сказать, Достоевский — в высшей степени реалист, и я не считаю, что князь Мышкин — нереалистический персонаж.

— Наверное, такие читатели под реализмом понимают книги не о том, что в принципе могло бы быть, а более жестко — только о том, что наиболее вероятно, наиболее типично...

— А что во всей этой истории нереалистического и даже нетипичного? Что мой герой в 1980 году свято верит в коммунистическую идеологию? Но разве все поголовно тогда диссидентами были? Что Павел невероятно наивен? А в жизни — не только тогда, а вообще в любую эпоху — разве мало наивных людей? Для меня очень важно, что это — роман воспитания, роман взросления, и та перемена, которая происходит с моим героем, оттого и заметнее, что он наделен именно такими чертами. Он за пару месяцев теряет невинность во всех смыслах этого слова. Не только физически, но и идейную невинность, и духовную — однако надо, чтобы ему было что терять. Может быть, поэтому я и взял в главные герои именно его, а не более умных, развитых, продвинутых мальчиков. С ними это все не так интересно.

— Когда я читал роман, у меня было стойкое ощущение, что Вы использовали тот же прием, что и Достоевский в «Идиоте»: странный, наивный, нетипичный юноша Павел становится своего рода зеркалом, в котором отражаются все остальные герои. Когда они реагируют на Павла, проявляется их внутренняя суть, причем гораздо более достоверно, чем когда они общаются друг с другом. Потому что при общении друг с другом они играют какие-то социальные роли, надевают маски, а странного Павла можно не стесняться, с ним можно быть самим собой. Вот скажите, это Вы специально сделали?

— Нет, само собой получилось, но против такой интерпретации я в принципе не возражаю.

— Павел, в отличие от умных, образованных старшекурсников, смотрит на вещи не как диссидент (или, шире, западник), не как верующий христианин, не как русский националист. Впечатление такое, что он внекультурен...

— Нет, я бы не сказал, что Павел совсем уж внекультурен. Да, читал он все подряд, как гоголевский Петрушка, но в целом он воспринимает вещи сквозь призму советской идеологии. И не случайно ему нравится дилогия Александра Чаковского «Год жизни» и «Дороги, которые мы выбираем», совершенно соцреалистическая, хотя и с либеральным оттенком в духе XX съезда КПСС. Это тоже ведь одна из культурных традиций. Собственно, в романе, когда Павел спорит со своими соседями-старшекурсниками, и происходит сшибка разных культур — романтической советской и трезвой, жесткой, даже во многом циничной антисоветской, в разных ее вариациях. При этом и аргументация Павла трещит по швам, но и аргументация его оппонентов тоже оказывается кое в чем ущербной.

— Павел — все-таки герой из 1980 года, пусть даже для того времени он и был в чем-то типичен. Но вот насколько он (равно как и другие Ваши герои-студенты) отличается от современной молодежи? Сильно ли она изменилась? Вы же вузовский преподаватель, Вы ректор, то есть современное студенчество знаете не понаслышке.

— Мне кажется, современные студенты — другие. Есть, конечно, общие черты, определяющиеся возрастной психологией, но за прошедшие несколько десятилетий изменения произошли очень серьезные, и та история, которую я рассказал, вряд ли могла бы произойти сейчас.

Молодежь в 1980-е и в 2010-е годы

— Ну а в чем все-таки различия?

— Во-первых, наше поколение росло в условиях цензуры и сильного идеологического давления. Цензура — отвратительная вещь, идейное насилие — тоже, но они вызывают реакцию противодействия, и на этой энергии может происходить бурный личностный и культурный рост. Был в советское время анекдот, что мама заставила сына прочитать «Войну и мир», после того как перепечатала ее на пишущей машинке и сказала, что это запрещенная литература, самиздат. Только тогда сын-подросток согласился прочитать. Наличие внешних запретов порождает невероятную духовную жажду. Я помню, что в свои 17 лет, чтобы посмотреть «Зеркало» Тарковского, готов был ехать хоть во Владивосток (повезло, удалось посмотреть его в каком-то рабочем клубе на окраине Москвы). А сейчас — абсолютная доступность всего. Любой фильм можно скачать в Интернете, любую книгу можно без особого труда достать. И вот эта доступность культуры парадоксальным образом порождает нечто противоположное духовной жажде — пресыщение, равнодушие.

Во-вторых, в годы моей молодости мы были меньше озабочены карьерой, а просто радовались жизни, как умели. Само слово «карьера» имело отрицательные смысловые оттенки, а уж слова «карьеризм», «карьерист» были вполне себе ругательными. Для

большинства жизненная траектория была понятной, количество вариантов, набор возможностей — куда меньше, чем сейчас. «Строить карьеру» фактически понималось как идти по головам, пресмыкаться перед начальством, предавать, вступать в партию, что в моей среде считалось постыдным. В современном же обществе для молодого человека открываются совсем иные возможности, иные вызовы и компромиссы. Вот он окончил университет, его никуда не послали работать по распределению, и он, современный выпускник, сам ищет работу, рассылает портфолио, ходит на собеседования, ищет стажировки. Пространство возможностей больше, чем в наше время, но и риски больше, и жить в той беззаботности, в какой жили тогда многие из нас, сейчас уже не получится. Поэтому современные молодые люди, мягко говоря, несколько прагматичнее.

В-третьих, жизнь молодежи стала куда более опасной, трудной, можно сказать, хрупкой. Появились ловушки вроде наркотиков, легко доступного алкоголя, романтического флера вокруг темы суицида... Нет, в наше время, может, пили даже и побольше, чем сейчас, и прагматиков хватало, но все равно у меня ощущение, что сегодняшним молодым сложнее, чем было нам. Сама жизнь стала гораздо менее предсказуемой, в ней легче опоздать, чего очень многие боятся, у нас же были другие отношения со временем.

Я хочу, чтобы у нас была свобода, но зачем же так презирать, возноситься?

— В романе постоянно звучит тема диссидентства. Павел, попав на картошку, живет в комнате со студентами-старшекурсниками, которые ведут и друг с другом, и с ним диссидентские разговоры, почём зря ругают советскую власть. Наверняка это основано на личном опыте. А что Вы сейчас думаете об этом?

— Это действительно очень важная тема, выходящая и за рамки моего романа, и за рамки эпохи. Есть диссидентство в узком смысле слова — как несогласие с политикой своей страны, а есть в широком — как некий дух, что ли, особое мировосприятие. И это тоже может оказаться и ловушкой, и закономерным этапом личностного роста... тут нельзя мерить единой для всех линейкой.

Расскажу о своем опыте. Я был воспитан в классической советской семье, отец мой был идейным, убежденным коммунистом, мама тоже была членом партии. Была бабушка, которая происходила из богатого купеческого рода, помнила дореволюционные времена, помнила, как революция их семью ограбила, — но никаких антисоветских речей себе не позволяла, чтобы не вводить внуков во искушение. То есть атмосфера в семье была соответствующей.

И вот именно это настраивало меня в подростковые и юношеские годы на протест — просто потому, что это неизбежный момент роста. Молодости свойственно бунтовать. И не только против политических взглядов родителей. В наше время, например, в воцерковленных семьях нередко подросшие дети уходят из Церкви — это всё явление того же порядка.

В подростковые годы я стал отходить от советских убеждений моих родителей, меня очень тянуло к чему-то другому... не столько даже антисоветскому, сколько — внесоветскому. Например, в этом была причина моего тогдашнего интереса к Церкви. Вот едем мы на дачу, рядом храм. Что это? Зачем? Мне интересно! Взрослые пытаются отвлечь мое внимание: мол, да ерунда это, какие-то отсталые бабульки туда ходят. А зачем они ходят, возникал у меня вопрос. Когда я стал

постарше, то настоящим потрясением для меня оказалось «Преступление и наказание» Достоевского. Это был единственный несоветский, просто кричаще-несоветский роман в школьной программе. Дело не в том, что «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» или «Мертвые души» — советские. Просто при их чтении никакого противоречия с советским миром я не чувствовал. Ну были такие люди давным-давно, задолго до советской власти, лишние, нелишние, жулики, скупердяи, ну вот так они жили... А роман «Преступление и наказание» меня поразил, потому что там ставились такие вопросы, которые не просто полностью выламывались из идеологической парадигмы, в которой мы воспитывались, а отрицали и фактически крушили ее.

Еще позже, в десятом классе, я познакомился с девушкой, чьи убеждения были уже вполне сознательными. Она читала запрещенную литературу — и мне давала читать. Помню то поразительное чувство, с которым открыл в 16 лет «Доктора Живаго». Я, советский школьник, комсомолец, читаю запрещенную книгу! Бог ты мой! Это невероятно поднимало меня в собственных глазах. Читая, я чувствовал себя так, как, наверное, чувствовали себя американские космонавты, ступив на Луну. От этой же девушки я узнал о существовании Театра на Таганке, который тогда считался почти диссидентским. Это позднее мне стало понятно, что по большому счету никакого особого диссидентства у Любимова не было. Как не было и у Тарковского, но тогда казалось именно так.

В авиамодельном кружке, 1972 год, и в фан-зоне Чемпионата мира по футболу в Москве, 2018 год. Фото Л. Самсонова и Михаила Джапаридзе/ТАСС

Вот это была для меня, так сказать, завлекательная сторона данного явления. Но вскоре я столкнулся и с другой стороной. Однажды, когда я оказался в очередной раз в гостях у своей подружки, — а жила она в роскошной квартире на Ленинском проспекте, ее дед был известным советским писателем — к ней зашел попрощаться ее знакомый, который был уже настоящим диссидентом и собирался эмигрировать по «диссидентской линии». И вот он как начал нести! Вы, мол, несчастные, живете в этой немытой Совдепии, а я еду в свободный мир, я счастлив... Он говорил, видимо, не такими словами, потоньше, но я воспринял это именно так. И тогда я опять ощутил какой-то внутренний протест: ну зачем обязательно так ругать мою страну? Да, мне самому в ней многое не нравится, да, я хочу читать «Доктора Живаго», я хочу, чтобы у нас была свобода... но зачем же так презирать, возноситься?

Вот так впервые я увидел другую крайность диссидентства, когда закономерное недовольство ограничением политических свобод переходит в презрение, в высокомерие. Когда о своей стране говорят так, будто она тебе чужая.

Уже после этого я прочитал замечательные слова Пушкина: «Я, конечно, с головы до ног презираю свое Отечество, но мне будет досадно, если это чувство разделит со мной иностранец». А в письме к Чаадаеву Пушкин скажет еще лучше: «...далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

Вот это — квинтэссенция настоящего патриотизма, под этим я полностью подписываюсь. Кстати, впервые эти пушкинские слова я услышал в фильме Тарковского «Зеркало» — на тот момент практически исключенном из проката, можно даже сказать, полузапрещенном, хотя это настоящее патриотическое кино.

Так что мое отношение к диссидентству двойственное. Я готов принимать его и считать этот опыт полезным в смысле здравого, критического отношения к своей стране, к пониманию ее недостатков и неприятию лжи, но не могу и не хочу принимать диссидентство в той его части, где оно переходит в оплевывание Родины и людей, которые здесь живут.

Но конечно, при этом мое тогдашнее диссидентство было весьма поверхностным — что, кстати, отразилось и в романе. Там есть очень важная сцена, когда возмущенный Павел требует от своих соседей по комнате, студентов-старшекурсников, ответа: за что вот лично они так не любят советскую власть. Они отвечают, и ответы их, хоть и искренни, но очень неглубоки. Для одного вся суть советской власти олицетворяется в воспитателях детского сада, которые насильно кормили его гречневой кашей с молоком, другой не может простить советской власти того, что на фотографии из Артека, опубликованной в «Пионерской правде», подменили флаг Чили флагом СССР... Характерно, кстати, что солженицинский «Архипелаг ГУЛАГ» дают читать Павлу не они, студенты, а совхозный бригадир по кличке Леша Бешеный.

— Это вымышленная фигура или был реальный прототип?

— Действительно, был у нас на картошке такой бригадир, его так и звали Леша Бешеный, очень резкий и очень умный мужик, очень начитанный... но о его политических взглядах я не знал, в этой части образ Леши Бешеного срисован с другого человека — старика, с которым я познакомился уже позднее, когда купил себе на Севере, в Падчеварах, дом. Был там такой дядя Вася Малахов, очень глубокий, умный человек, люто ненавидевший советскую власть, и не за то, что книжки читать не дает или за границу выезжать не разрешает... нет, у него к ней были гораздо более серьезные претензии, она в прямом смысле слова сломала ему жизнь. Раскулачивание, околхозивание... словом, трагическая судьба. Он даже в школе из-за коммунистов не учился, потому что ничего общего с ними иметь не хотел. Хотя мозги у него были как у Ломоносова.

— Возвращаясь к теме диссидентства. Вы назвали одну его «темную сторону» — презрение к своей стране и ее гражданам. Но есть ли у него и другие темные стороны?

— А вспомните Довлатова: «После коммунистов я больше всего не люблю антикоммунистов». У человека могут диаметрально измениться политические взгляды, из сторонника советской власти он становится ее противником, но как у него был черно-белый, тоталитарный по своей сути взгляд на вещи, так и остался, просто плюсы поменялись на минусы. Мир в его восприятии не стал сложнее, глубже, многограннее.

— А бывает и другое: когда ненависть к действительным преступлениям власти превращается в ненависть вообще ко всему, что окружает. Такого диссидента раздражает абсолютно всё, что он видит. И ему кажется, что пусть уж лучше поскорее всё тут сгорит, развалится. Такое вот, по сути, манихейское отношение к жизни. Не просто «мир во зле лежит», а мир — это и есть зло, и лучше бы уж мира вообще не было...

— Да, бывает и так. В романе у меня один из героев, студент Эдик Сыроедов, именно так и говорит, правда, в большом запале: «...вот благодаря таким благодушным идиотам, как их самозваный бригадир, все еще до сих пор не рухнуло, хотя давно уже должно было развалиться. И чем быстрее развалится, тем лучше будет для всех». Вот такое отношение к жизни, «чем хуже, тем лучше» — это тоже одна из опасностей «диссидентского духа».

Диссидентство — это же не только что-то про советскую власть. Оно вообще может касаться не политики, а какой-то другой сферы жизни. Так что предмет нашего обсуждения — вовсе не дела минувших дней...

А меня вот так взяли и толкнули: плыви!

— Павел Непомилуев принимает крещение в Православной Церкви. Это закономерный итог его духовной эволюции? И можно ли сказать, что именно в этом христианский подтекст Вашего романа?

— Мне трудно говорить о том, в чем заключается у меня христианский подтекст, — просто потому что я не ставил себе сознательно задачу написать христианский роман. Вообще, когда пишешь художественную прозу, лучше, по-моему, специально о таком не думать, не «вкладывать идеи», не «поднимать проблему». Если оно в тебе есть, то и в тексте как-то само проявится. Как пел Окуджава, «каждый пишет, как он дышит».

Если же говорить о крещении Павла, то для меня оно — всего лишь один из элементов его взросления. И, конечно, его крещение — это вовсе не осознанный выбор. Но и не случайность. Тут, кстати, момент вполне автобиографический. Я сам крестился в чуть более, правда, позднем возрасте, нежели мой герой, но так же малоосознанно, по наитию какому-то. У меня к тому моменту были верующие друзья, я бывал в храме на службах, но все равно помню то ощущение, будто я к этому не готов, а меня вот так взяли и толкнули: плыви!

Нечто похожее происходит и с моим героем — его запихнули в университет и сказали: живи! Разбирайся с этими великими учеными, разбирайся с этими ребятами, разбирайся в этой взрослой жизни, потому что пришло тебе время. И крещение свое он пока что не осознал, он не знает, что дальше будет с ним делать. Все равно у него, с одной стороны, крестик на шее, а с другой — советские идеи в башке, пусть и пошатнувшиеся, и как он одно с другим будет примирять, остается за рамками романа.

Но если все же пытаться сформулировать этот самый христианский подтекст, то это любовь к миру, любовь к людям, любовь к жизни такой, какой она тебе дана. Мне кажется, в этом романе я как ни в каком другом пытался выразить чувство благодарности Богу за то, что мы живые, за то, что все это нам дано, что мы можем ошибаться,

падать, ссориться, мириться, напиваться и трезветь, любить, дружить, за то, что нам дана невероятная свобода действий. Вот все это, по-моему, вполне христианское мировосприятие.

— На мой взгляд, не только это. Я прочитал «Душа моя Павел» как роман о Промысле Божием. Во всей жизни Павла, во всем, что с ним происходит, просматривается явное действие высших сил. Которые его ведут, помогают, охраняют — и от внешних бед, и от внутренних падений, от чрезмерных искушений. Чувствуется, что над ним простерта невидимая рука. И даже не будь в романе эпизода с крещением — это чувство у меня все равно бы осталось.

— Вполне возможная интерпретация, она не противоречит тексту. Но я, когда писал, под этой невидимой рукой имел в виду немножко другое. Это покойные родители Павла, которые оттуда имеют возможность помогать сыну, страховать его, направлять. Другое дело, что и само это, то есть помощь родителей, можно воспринимать как составляющую Божиего Промысла. Они становятся орудием Промысла, точно так же, как и живые люди — друг отца полковник Передистов, деканша филфака Муза Георгиевна, преподаватель истории КПСС Николай Кузьмич Сущ...

— Давайте поговорим об этих орудиях Промысла. В романе есть два героя, не самых центральных, но очень, на мой взгляд, важных: это заместитель декана Раиса Станиславовна и профессор истории КПСС Сущ. Оба они очень нелинейны, не укладываются в какие-то стандартные рамки. Вот Раиса: гнусная вроде бы баба, злая, надменная, стукачка. А вместе с тем — верующая, воцерковленная, соблюдающая посты... причем в то время для человека ее профессии это было крайне опасно. Ее вера — явно не мода. А убежденный коммунист Николай Кузьмич! Он ведь становится крестным отцом Павла, он спасает его от отчисления из МГУ... и не только из прагматических соображений, но и во многом от сердца. Так вот, вопрос: что Вы этими фигурами хотели сказать? Можно ведь их трактовать и так, что совершенно

неважно, во что человек верит, был бы только хорошим и добрым...

— Нет, очень важно, во что человек верит! Другое дело, что вера в Бога не дает тебе никаких автоматических преимуществ и гарантий, что ты будешь лучше, чем кто-то другой. Воцерковленный человек может быть ничуть не лучше в нравственном отношении, чем невоцерковленный. Но мне очень нравится байка, которую когда-то слышал или читал. Священнику говорят: вот посмотрите на эту даму, она верующая, а какая ужасная лицемерка и ханжа... а вот та дама неверующая, но какая милая и добрая. На что священник отвечает: представь себе, что эта лицемерка и ханжа ко всему прочему была бы еще и атеисткой. И представь, насколько еще более замечательной стала бы эта милая добрая женщина, будь она к тому же и верующей!

Демонстрация у разрушенного храма, 1989 год, и массовое крещение в реке, Якутская епархия, 2016 год

Что же касается Суща, то у этого героя был прототип — профессор, который преподавал нам историю КПСС. Инвалид, ветеран войны. Очень интересный и умный дядька, но от него, как и от всех преподавателей этих наук, исходила аура власти. Мы интуитивно чувствовали, что они проверяют не только наши знания, но и убеждения, и побаивались их. Понимали, что конфликт с ними может привести к отчислению. Так вот, Николай Кузьмич Сущ из романа — человек сложный. С одной стороны, он действительно спасает Павла,

действительно о нем заботится, действительно обещал священнику, крестившему Павла, стать ему крестным, но все же главное для него — это его коммунистическая вера. Он убежденный коммунист, который, как иезуит, готов пользоваться любыми средствами, чтобы поддерживать тот порядок, который вскоре все равно рухнет. И он это предчувствует, он ощущает агонию СССР, и ему безумно жалко, что уйдет страна, которой он всю жизнь служил, отдал ей все силы, всю молодость. Он вовсе не великий злодей, не человеконенавистник.

Да, я с ним (и с его прототипом) и тогда был идейно не согласен, и сейчас не согласен, я считаю, что советский период — это было ужасное зло для России. Но при этом ведь коммунисты были разные. Были изверги, были палачи — но ведь были и совсем другие люди. Такие, как, например, мой отец, умерший рано, в девяностом году, ему и шестидесяти не было. Поначалу он с энтузиазмом воспринял перестройку, но чем дальше, тем грустнее ему становилось, он чувствовал, куда все катится. И другие, подобные ему люди чувствовали это, а позже, в 90-е, страдали от ощущения своей вины, что не удержали страну — и сколько крови из-за этого пролилось...

— А почему Сущ согласился стать крестным Павла? Ведь он же убежденный атеист!

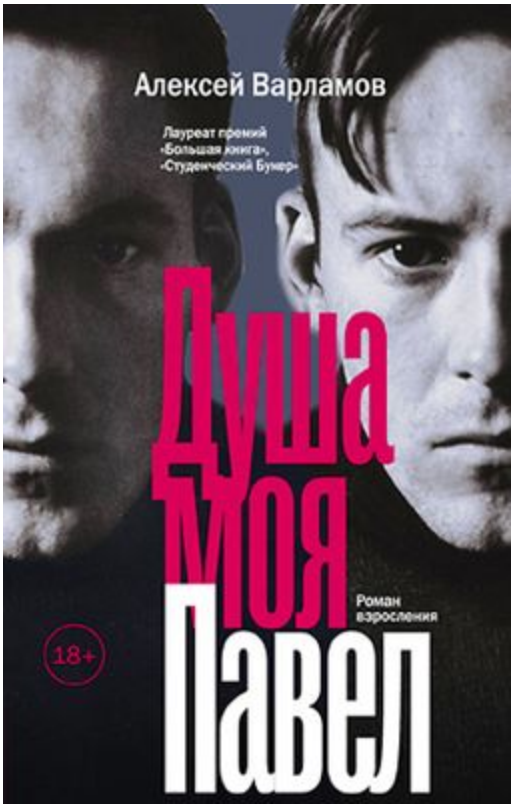
— Не знаю. Я много сам про своих героев не знаю. Но может быть, потому, что, случайно оказавшись в церкви во время крещения Павла, он испытывает симпатию к священнику, а священник — к нему. Оба они пожилые, оба фронтовики (причем священник старше по воинскому званию). Два служилых человека. Да, сейчас они служат очень разным инстанциям, но способны договориться друг с другом.

И этот мальчик, Павел, становится для них как бы таким «сыном полка». Он общий сын — и советской системы, и Церкви. И на этом они примиряются. Я прекрасно понимаю, что с идейной, духовной, богословской, какой угодно точки зрения соединить это нельзя, да и не надо. Но вот художественно, в конкретном человеке, в конкретной душе примирить, мне кажется, возможно.

Беседовал Виталий Каплан

О чем новый роман Алексея Варламова

Действие романа происходит в 1980 году. 17-летний Павел Непомилуев из секретного города с подземным ядерным заводом приезжает в Москву и поступает на филфак МГУ. Поступает буквально чудом — и сразу после поступления вместе с другими первокурсниками отправляется в подмосковный совхоз на картошку. Там он, искренне верящий в марксистко-ленинские догмы, попадает в компанию студентов-старшекурсников, настроенных крайне диссидентски, и лишается идеологической невинности. Но за этой фабулой стоит глубокий мировоззренческий посыл, причем очень нелинейный.

ВОПРОС НОМЕРА

Письмо в редакцию

на e-mail: vopros@foma.ru

«Приехали в церковь крестить младенца в назначенное нам время, а там идет полным ходом отпевание покойника. Нас попросили погулять часок, пока унесут покойника и помоют пол. Руководствуясь тем, что нельзя переносить крестины, все-таки решились покрестить в этот день. Правильно ли мы поступили? И не навредит ли это ребенку?»

«Когда-то давно моя бабушка и мама принесли с кладбища старые лампадки, какое-то время они стояли у нас дома, потом их выкинули. Слышала, что с кладбища ничего приносить домой нельзя. Могут ли эти вещи нести какой-то негатив?»

«Моя мама смертельно больна. Недавно она купила в церкви серебряный крестик с цепочкой, но потом стала носить крестик на шнурке, а цепочку отдала мне. Я слышала, что чужой крестик нельзя надевать… Тем более умирающего человека. А цепочку, на которой висел крестик?»

«Можно фотографии умерших ставить рядом с фотографиями живых?»

«У меня умер родной брат. Жил вместе с родителями в частном доме, без воды. Могу ли я провести им воду, или нужно ждать год после смерти?»

Подобные вопросы ежедневно приходят на почту «Фомы». Общее в них — суеверные представления и чувство страха и бессилия перед судьбой. Мы попросили ответить психолога Александра Ткаченко, что на самом деле стоит за суевериями и в чем причина того, что даже многие христиане верят в приметы.

Суеверующие:

что с ними не так и можно ли это исправить

На вопрос читателя отвечает психолог Александр Ткаченко

Разговор о суевериях проще всего было бы начать с того, что есть вера истинная и есть вера суетная — напрасная и ни на чем не основанная. Далее можно было бы объяснить читателю, в чем заключается вера православных христиан и чем она отличается от суеверия. И закончить рассказ победным выводом о том, что люди верующие поклоняются истинному Богу, а люди суеверные — нелепым выдумкам и пустым приметам. Но, к сожалению, эта простая и понятная концепция вдребезги разбивается об один невеселый факт: среди верующих людей также бытует множество самых разнообразных суеверий, примет и обычаев, ничего общего не имеющих с христианством. Увы, суеверия — отнюдь не редкость и среди христиан.

Откуда же появляется в людях эта суетная вера? Что заставляет человека бояться каких-то нелепых совпадений и надеяться на них же, вопреки доводам здравого смысла?

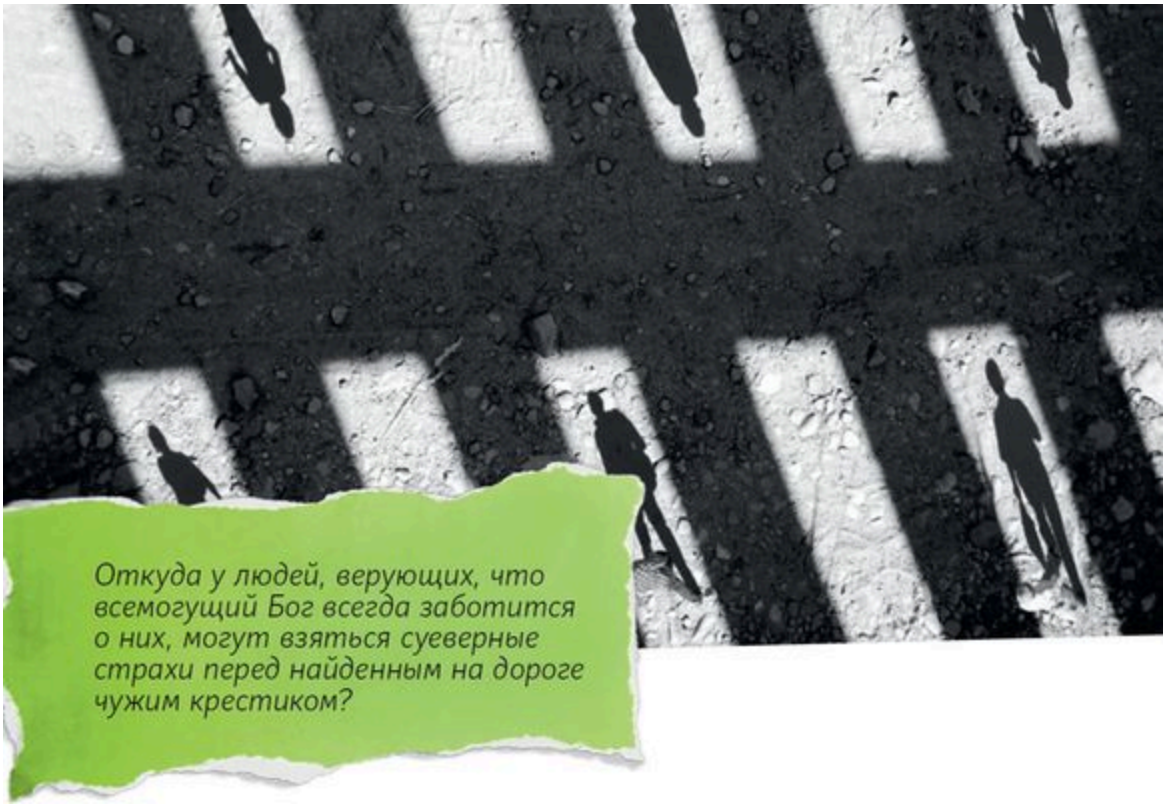
Пристально разглядываемая бездна, по словам Фридриха Ницше, имеет обыкновение столь же бдительно присматриваться к ее легкомысленному созерцателю. Наш разум не терпит бессмыслицы и пустоты. Из хаотичного переплетения ночных теней на стене комнаты он с легкостью выделяет фигуры клыкастых чудовищ, а в абстрактном наборе цветовых пятен на обоях появляется зловещий профиль Мефистофеля. Наше воображение проецирует на окружающий мир наши же потаенные страхи, словно луч киноаппарата, рисующий на белом экране леденящие кровь картины мистического триллера. Там, где человек напряженно вглядывается в пустоту, она вдруг начинает приобретать вполне конкретные формы его тревожных ожиданий. И тогда перебежавший дорогу симпатичный черный котик становится объяснением всех последующих неудач этого дня, а случайно рассыпанная за завтраком соль — грозным предвестником семейной ссоры.

Жить в столь непредсказуемом и опасном мире неуютно и даже страшно. Чем же можно обезопасить себя от таких выдуманных опасностей? Ну конечно, такими же выдуманными средствами защиты! И вот уже на запястье появляется красная шерстяная ниточка, к двери прибивается заветная подкова, ну а с черной кошкой на улице и вовсе никаких проблем: достаточно лишь пропустить перед собой какого-нибудь незадачливого бедолагу и можно следовать далее со спокойной уверенностью, что все чернокошечные напасти сегодня обрушатся уже не на вашу, а на его голову. Приблизительно так работает психологический механизм формирования суеверий у неверующих людей.

Будучи разумным, человек прекрасно понимает, что в этом мире он не самое могущественное существо, постоянно подвергающееся множеству различных опасностей. И пытается защититься от них такими вот наивными мероприятиями, поскольку ничего другого ему просто не остается, ведь других защитников у него в этом мире бездушной материи просто нет. Ну разве что, по ироничному совету Иосифа Бродского, вообще не выходить из комнаты, сведя жизнь к унылому физиологическому минимуму:

…Слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся

Шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

Откуда у людей, верующих, что всемогущий Бог всегда заботится о них, могут взяться суеверные страхи перед найденным на дороге чужим крестиком?

В мире, где для человека нет Бога, приметы становятся вешками, обозначающими безопасный маршрут среди бурлящего потока событий.

Но почему же тогда суевериям подвержены бывают и христиане? Ведь для них мир отнюдь не метафизическая пустыня. Бог христиан создал этот мир и ни на мгновение не оставлял его без Своего внимания и попечения. Люди, уверовавшие во Христа, получили от Него прямое уверение в том, что они бесконечно дороги Богу: Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц (Мф 10:29–31). Откуда у людей, верующих в то, что всемогущий Бог всегда видит их и заботится о них, могут взяться суеверные страхи перед найденным на дороге чужим крестиком или свечкой, переданной в храме не через то плечо? Понятно, что суеверия эти идут вразрез с христианской верой и что подвержены им в Церкви далеко не все. Однако явление это не такое уж и редкое. И чтобы разобраться в его причинах, нужно сделать краткий экскурс в самый ранний период жизни человека.

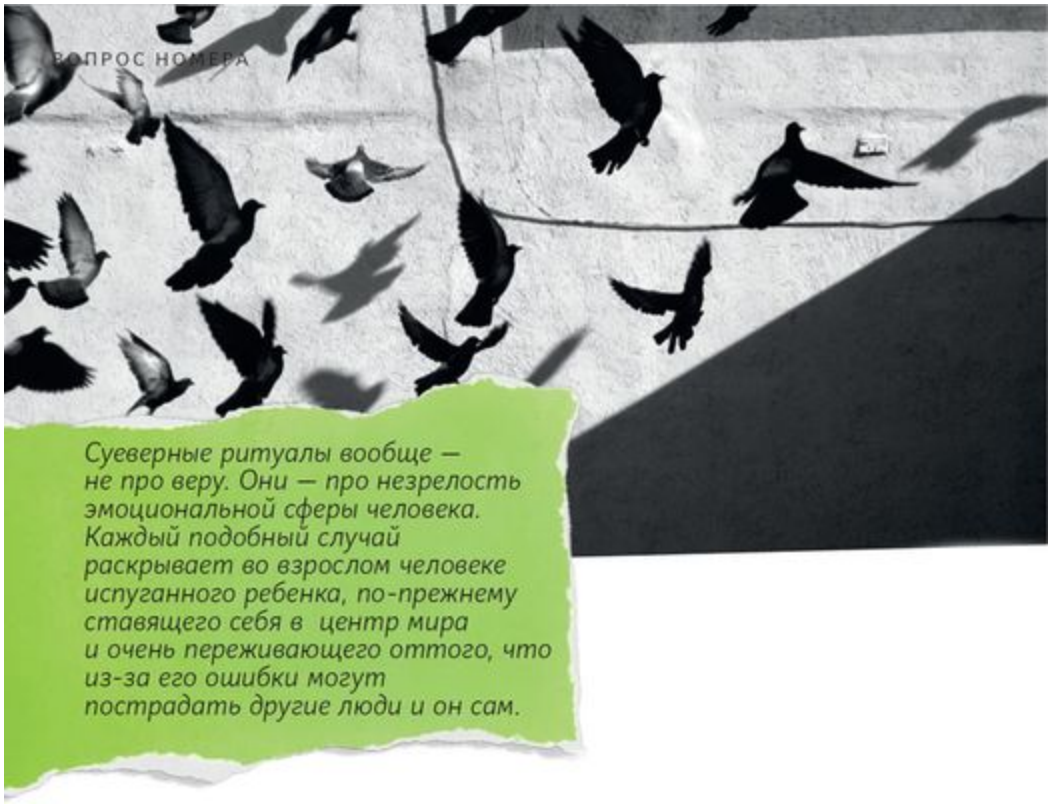
Испуганный ребенок терзает себя мыслью о том, что именно он — виновник скандала родителей, что беда пришла в их дом потому, что он получил двойку по математике.

Психологическая основа для будущих суеверий формируется именно в младенчестве.

Новорожденный ребенок — очень слабое и абсолютно беспомощное существо. Без заботы взрослых он очень быстро погибнет, не имея малейшей возможности самостоятельно найти себе пищу и воду или укрыться от холода. Все жизненно важные потребности младенца удовлетворяет мама, с которой он провел в теснейшем единении первый этап своей жизни. Будучи с ней девять месяцев одной плотью, чувствуя ее настроение, слыша биение ее сердца, ее голос, младенец и после родов не воспринимает маму как нечто внешнее по отношению к себе. И в то же время он еще не знает, что вокруг него есть огромный мир. Для него весь этот мир воспринимается лишь как ласковые мамины руки, запах вкусного молока из маминой груди, колыбельные песни, которые мама поет над его кроваткой.

Таким образом, на самых первых этапах жизни у ребенка существует двойственное восприятие мамы. С одной стороны, она еще не воспринимается младенцем как отдельное от него существо. С другой — представляется маленькому человеку всей полнотой окружающего мира. И этот мир-мама оказывается способным реагировать на его желания и нужды. Если ребенку стало холодно и неуютно в мокрых пеленках, мир вымоет его в теплой водичке, перепеленает, поцелует и довольного положит обратно в кроватку. Если он проголодается, мир даст ему молока или каши. Если у него заболит животик, мир бережно прижмет его к себе, пожалеет, сделает массаж. Ведь этот мир в представлении младенца — продолжение его самого. Поэтому любое его желание тут же становится известно миру, и мир заботится о его исполнении. Потом ребенок растет, познает окружающую его реальность, приобретает новые знания и навыки. На смену первоначальному чувству полного слияния с мамой-миром приходит понимание того, что мама — это другой человек, а мир огромен и наполнен множеством интересных вещей и событий. Но, как отголосок самого раннего опыта, у ребенка остается представление о мире как о своем продолжении, способном слышать и исполнять желания. Эти

младенческие чувства частично находят свое выражение в любви детей к сказкам про заклинания, волшебную палочку или цветик-семицветик, способные вернуть миру былую послушность и отзывчивость.

Отсюда же и детский эгоцентризм, болезненное стремление видеть себя центром и причиной всего происходящего вокруг. Родители поссорились, папа наорал на маму, мама расплакалась и ушла к себе в комнату. А притихший испуганный ребенок терзает себя мыслью о том, что именно он — виновник скандала, что беда пришла в их дом потому, что он получил двойку по математике или не вымыл за собой посуду. И тогда, чтобы искупить свою «вину», он начинает с удвоенной энергией делать уроки или драить тарелки на кухне, надеясь таким образом помирить рассорившихся родителей.

Схема «я совершаю какое-то действие, и мир вокруг меня на это реагирует» воспроизводит ранний детский опыт, когда младенцу достаточно было заплакать, чтобы получить еду, тепло и материнскую ласку.

Со временем понимание причинно-следственных связей у человека становится осознанным, и вера в мир как в продолжение себя потихоньку растворяется в новом, уже взрослом опыте жизни.

Но если эмоциональное взросление человека было нарушено (например, психологической травмой), эта детская форма отношения к миру сохраняется в нем на долгие годы и даже десятилетия. Человек заканчивает школу, женится или выходит замуж, растит детей, работает. Но в глубине души продолжает верить, что способен влиять на мир через какие-то ритуальные действия, подобные детскому мытью посуды или сделанным урокам, которые необъяснимым образом должны помирить папу с мамой.

С такими остатками младенческого восприятия мира у взрослых людей часто имеют дело психологи. Один клиент во время приема рассказывал, что всю жизнь специально заставлял себя усиленно тревожиться каждый раз, когда поднимался на борт самолета, потому что эта тревожность служила своеобразной «страховкой». Когда психолог спросил его, что именно он имеет в виду, тот ответил: «Ну, если я не буду тревожиться, я начну искушать судьбу, и тогда самолет может разбиться!» На уровне чувств он был уверен в том, что его тревожность каким-то образом удерживает самолет в воздухе и позволяет предотвратить катастрофу. Это был совсем не глупый человек с высшим техническим образованием. И умом он прекрасно понимал, что никакой разумно объяснимой связи между его искусственно вызванной тревогой и безопасностью полета нет и быть не может. Но в его субъективном опыте этот принцип работал безотказно: ведь ни один из самолетов, где он так старательно тревожился, ни разу не упал.

Другой случай. Женщина впадает в сильную тревогу, если у нее на глазах случайно наступят на ногу другому человеку. А уж если она сама это сделает, то непременно требует, чтобы в ответ наступили на ногу ей. Когда такого «обмена» не происходит, она может впасть в затяжную депрессию. В процессе терапии выяснилось, что когда-то в детстве подружка, которой она наступила на ногу, сказала: «Дай теперь я тебе наступлю, а то у тебя мама умрет». Девочка отказалась. А когда пришла домой из школы, узнала, что умерла ее бабушка. С тех пор она

живет с чувством вины за свой «проступок» и пытается его «искупить», тщательно соблюдая нелепый детский ритуал, который много лет назад случайно совпал со смертью ее родственницы.

Суеверия церковных людей также часто не являются их сознательными убеждениями, это всего лишь отголоски детского чувства, что именно ты являешься смысловым центром Вселенной и все вокруг зависит от правильности или неправильности совершаемых тобою действий.

Отсюда — тревога за свечку, которую ты передал не той рукой или не через то плечо. Отсюда — страх перед вещами умерших людей, боязнь найденных нательных крестиков, занавешивание зеркал после смерти близкого и еще великое множество самых разнообразных тревог. Такие люди пытаются преодолеть свой детский страх через ритуальные действия, позволяющие им снизить уровень тревожности. Например, передавать свечку только через правое плечо и ни в коем случае не через левое. Как ни странно, убежденность в силе подобных ритуалов вполне органично может совмещаться у них с искренней и горячей верой во всемогущего Бога Вседержителя, в Евангелие, в церковные таинства. Потому что, если разобраться, эти суеверные ритуалы — вообще не про веру. Они — про незрелость эмоциональной сферы человека, про его детскость, застревание на каком-то этапе личностного развития. Каждый подобный случай раскрывает во взрослом человеке испуганного ребенка, по-прежнему ставящего себя в центр мира и очень переживающего оттого, что из-за его ошибки могут пострадать другие люди и он сам. И любые упреки в стиле «да ты ж христианин, как ты можешь верить в такую чушь» вряд ли что-либо изменят. Здесь требуется долгий и доверительный разговор со священником, возможно, не один, или серьезная работа с психологом.

Травмы развития не лечатся обесцениванием чужих чувств, насмешками и укорами. Исцелить их можно лишь любовью и бережным отношением к чужой боли.

Детскую природу суеверий более чем полтора тысячелетия назад блестяще описал в одной из своих проповедей Иоанн Златоуст. Правда, говорит он здесь главным образом не о христианах, а об эллинах (так в Византии называли язычников, веривших в римских и греческих богов). Но мысль о том, что суеверие — плод незрелого, детского восприятия мира, в этом тексте настолько очевидна, что не нуждается в какой-то специальной расшифровке или комментарии:

«Подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню и смело порываются к зажженному светильнику, а между тем боятся человека в одежде из козьей шерсти, так и эти эллины — настоящие младенцы, как и сказал о них некто: “эллины — всегда дети”. Того, что не составляет греха, они боятся, как-то: телесной неопрятности, похорон, катафалков, тяжелых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как-то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния, блуда, — они и не думают считать за грех. Ты можешь видеть, как (язычник) обмывается после мертвеца, но от мертвых дел он не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег и в то же время думает, что одно пение петуха может разрешить всякое (недоумение). Так они помрачены разумом. Душа их преисполнена множества примет. Например, такой-то, говорят, первый встретился со мной, когда я выходил из дому: непременно случится тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне обувь, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левой ногой: и это предвещает несчастья. Это — домашние неудачи. Когда же я вышел из дому, у меня правый глаз мигнул: быть слезам... Закричит ли осел, или петух, чихнет ли кто, и вообще, что бы ни случилось, все их тревожит, так что они, — как я сказал, — точно скованы тысячами уз, точно находятся во мраке, во всем подозревают (худое) и гораздо больше

порабощены, чем тысячи невольников. Но не будем мы такими; напротив, осмеявши все такие (суеверия), — как живущие в свете, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землей, — будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если все это пустяки, то и посмеемся над этим, равно как и над первым виновником этого — дьяволом».

Такова оценка святителя Иоанна Златоуста, вынесенная им языческим суевериям: «эллины — всегда дети». Однако уже в те далекие времена и среди христиан тоже находились люди с таким синдромом затянувшегося психологического детства. И о них Златоуст здесь тоже говорит, но — отнюдь не в уничижительном тоне, а словами, исполненными бережной любви и сочувствия. Наверное, эти его слова и по сей день остаются лучшей рекомендацией для всех христиан, возмущенных или введенных в недоумение суеверными поступками своих единоверцев: «…Возблагодарим Бога и будем стараться, чтобы нам самим никогда не впасть в такое рабство, а если кто из наших друзей будет пленен, разорвем его узы, освободим его от этого несносного и постыдного заключения, сделаем его способным для восхождения к небу, выпрямим его опустившиеся крылья и научим его любомудрию касательно жизни и веры. Возблагодарим Бога за все и будем умолять Его, чтобы нам не оказаться недостойными врученного нам дара; с тем вместе, позаботимся и о том, что от нас зависит, именно, чтобы нам поучать других не только словами, но и делами».

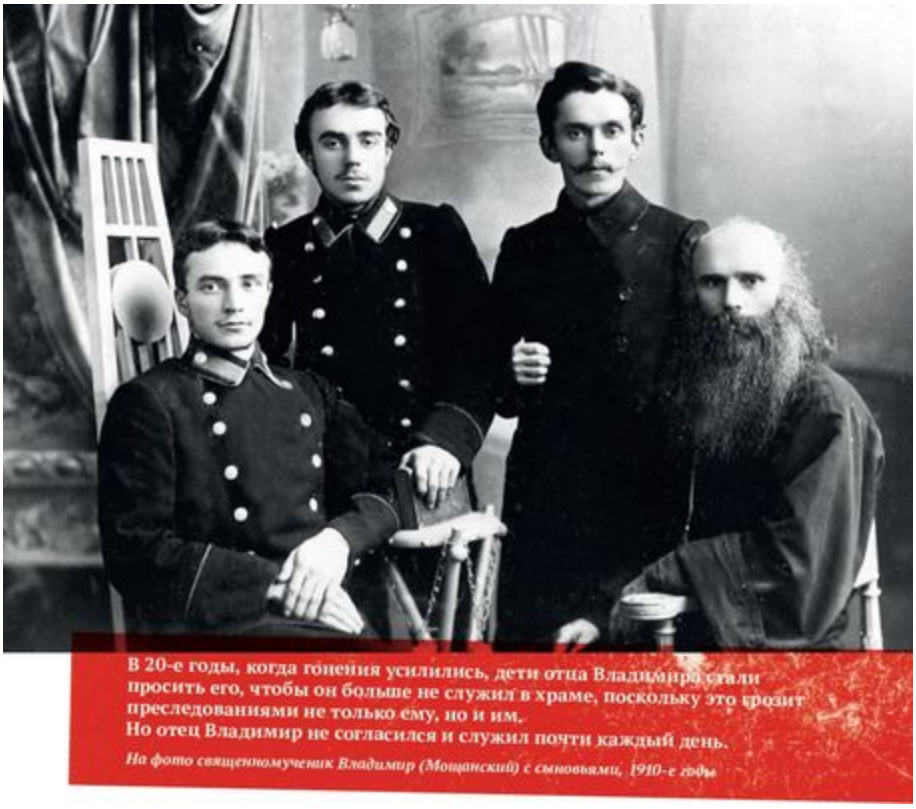
Фото Алексея Меньщикова

НОВОМУЧЕНИКИ

Священномученик

Владимир (Мощанский)

1866 – **7.09.1938**

В 20-е годы, когда гонения усилились, дети отца Владимира стали просить его, чтобы он больше не служил в храме, поскольку это грозит преследованиями не только ему, но и им.
Но отец Владимир не согласился и служил почти каждый день.

На фото священномученик Владимир (Мощанский) с сыновьями, 1910-е годы

Все камеры тюрьмы в Вышнем Волочке были переполнены, так что заключенным иногда приходилось стоять. В тюрьме отцу Владимиру исполнилось семьдесят два года. Состояние его здоровья становилось все хуже, так что и находившиеся вместе с ним в камере заключенные возмутились и, стуча в железную дверь, стали кричать: «За что вы мучаете старого священника? В чем он виноват?»

* * *

Священномученик Владимир родился в 1866 году в селе Заборовье Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье священника Димитрия Мощанского. Окончив Тверскую духовную семинарию, он обвенчался с дочерью священника Иоанна Дмитриевского Евдокией и вскоре был рукоположен в сан диакона ко храму в селе Рогачеве Ржевского уезда, а затем — во священника к Успенской церкви в селе Спасском Кашинского уезда.

У отца Владимира и Евдокии Ивановны родилось четверо детей: дочь Ольга и три сына — Владимир, Александр и Николай. При рождении последнего ребенка Евдокия Ивановна умерла, оставив отца Владимира с маленькими детьми, в дальнейшем помогала их воспитывать ее незамужняя сестра, Александра Ивановна. Один из сыновей отца Владимира, Александр, окончил Тверскую духовную семинарию, но рукополагаться не захотел. Во время Великой Отечественной войны он с семьей попал под немецкую оккупацию; немцы сочли, что он по национальности еврей, и распорядились его повесить. На шею уже была накинута петля, когда он, усиленно молясь, дал обет, что, если останется жив, посвятит свою жизнь всецело служению Богу. В это время за него заступился священник местной церкви, где Александр иногда помогал как псаломщик. После окончания войны Александр исполнил обет, и в 1946 году был рукоположен во священника. Тесть его, священник Измаил Рождественский, служил в храме недалеко от Вышнего Волочка. В 1937 году он был уже настолько стар и немощен, что почти не поднимался с постели, но когда в дом вошли трое ему незнакомых людей, отец Измаил сразу понял, что они пришли его арестовать. Склонив с печи голову, он ласково сказал супруге: «Матушка, согрей самовар. Видишь, как они замерзли». Старший из группы внимательно

посмотрел на священника и, поняв, что дни того уже сочтены, распорядился уйти.

В 1924 году власти закрыли храм в селе Спасском и конфисковали церковный дом, в котором жил отец Владимир с семьей. Было совершено последнее богослужение, во время которого храм был полон молящимися, и все стояли на коленях, и многие плакали. Отец Владимир переехал служить в Вышний Волочёк, поселившись в доме своего отца, к тому времени уже почившего.

Гонения с каждым годом усиливались. Дети отца Владимира стали просить его, чтобы он больше не служил в храме, поскольку это грозит преследованиями не только ему, но и им. Но отец Владимир не согласился и почти каждый день служил. Только в последнее время, когда возраст стал подходить к семидесяти годам и подступили болезни, он стал оставаться в будние дни дома. И тогда он выходил с внучкой Ольгой на улицу и, стоя возле дома, с благоговением и теплотой говорил: «Это звонят в Казанском соборе к обедне, а это в Троицкой церкви, а это у Николая Чудотворца, а это Ермаковская церковь, а это Зимний собор».

Отец Владимир воспитывал внучку Ольгу, которая переехала жить к нему после смерти матери, когда ей было восемь лет. Первое время он обучал ее сам по всем предметам, а прежде всего обучил молитвам. Но ребенка можно многому научить и в школе. Однажды ей велели выучить частушку: «Нынче в церковь не ходила и не каялась попу, я такого крокодила даже видеть не хочу!» Придя домой, она с детским простодушием прочла эту частушку дедушке. Отец Владимир помолчал, внимательно посмотрел на внучку и затем сказал: «А ты подумала, Оля, что твой дедушка — священник?» Только здесь до нее дошло оскорбительное содержание частушки, и в раскаянии она упала на колени и просила прощения.

Священномученик Владимир с внучкой Ольгой. 1920-е годы

13 февраля 1938 года, около дома священника остановилась машина, откуда вышли трое сотрудников НКВД. Войдя в дом, они предъявили документ на обыск и арест.

На следующий день следователь допросил свидетеля, который показал: «Знаю Мощанского Владимира Дмитриевича с 1931 года как соседа. 23 ноября в присутствии учеников восьмых-девятых классов Мощанский проводил контрреволюционную агитацию, направленную на распространение провокационных слухов оскорбительного характера против наших ученых, говоря: “Ученый Павлов перед смертью завещал, чтобы имеющиеся церковные здания не ломать и не занимать под музеи. Вот видите, и ученые заступаются за религию”».

В тот же день сотрудник вышневолоцкого отдела НКВД допросил священника:

— Вы обвиняетесь в контрреволюционной антисоветской агитации, дайте по этому вопросу правдивые показания.

— Себя я в этом виновным не признаю и показаний или примеров по данному вопросу дать не могу.

19 марта сотрудник НКВД, имея перед собой протоколы допросов свидетелей, снова приступил с вопросами к отцу Владимиру.

— Зачитываю показания свидетеля о проведении вами контрреволюционной агитации. Признаете ли себя виновным? — спросил он.

— Считаю показания свидетеля неправдоподобными и их категорически отрицаю, — ответил священник.

— Зачитываю показания свидетеля о распространении вами клеветнических слухов оскорбительного характера по адресу советских ученых. Признаете вы это?

— Да, действительно, такой разговор имел место, но я не говорил с целью проведения контрреволюционной агитации, этот разговор касался только одного ученого, про которого я и сейчас остаюсь при своем мнении.

На следующий день следователь провел очную ставку священника с «дежурным свидетелем».

— В январе 1938 года, — показал свидетель, — Мощанский около Пятницкой церкви сказал: «Составили всенародную конституцию, выбрали тайным голосованием правительство, а на деле проводят другое, вразрез всем своим законам, но этому народ не верит, а только больше озлобляется на советскую власть».

Следователь, обращаясь к священнику, сказал:

— Обвиняемый Мощанский Владимир Дмитриевич, вы обвиняетесь в проведении антисоветской агитации. Подтверждаете ли вы показания свидетеля?

— Антисоветской агитации я не проводил и виновным себя в этом не признаю. Также отрицаю показания свидетеля.

22 марта следователь провел очную ставку священника со следующим свидетелем, который сказал:

— 23 ноября 1937 года в присутствии нескольких учеников восьмых-девятых классов Мощанский проводил контрреволюционную агитацию, направленную на распространение провокационных слухов

оскорбительного характера против наших ученых, заявляя: «Ученый Павлов перед смертью завещал, чтобы имеющиеся церковные здания не ломать и не занимать под музеи. Вот видите, и ученые идут за религией».

— Обвиняемый Мощанский Владимир Дмитриевич, подтверждаете ли вы показания свидетеля?

— Да, подтверждаю показания свидетеля.

27 апреля было составлено обвинительное заключение. 27 июня 1938 года к десяти часам утра священник был доставлен в здание суда. Даже для видавших всякое судей вид немощного старца, которого предполагалось приговорить к семи годам заключения в исправительно-трудовом лагере, вызвал недоумение. Председатель суда, зачитав обвинительное заключение, спросил — все ли священнику в нем понятно. Отец Владимир ответил:

— В чем меня обвиняют — это мне понятно. Виновным себя признаю в том, что я говорил, но только не с целью агитации; я сказал, что люди ученые тоже верят в Бога. Больше я ничего не говорил. Виновным себя в антисоветской агитации не признаю.

«23 декабря 1937 года, — записал секретарь суда, — свидетель показал, что “священник говорил, что Бог есть и что, когда академик Павлов умирал, он говорил, чтобы в Ленинграде не закрывали ни одной церкви, так как Павлов сам верил в Бога”».

Отец Владимир, выслушав обвинения, выдвинутые против него, снова возразил, что если когда что и говорил, то не с целью антисоветской агитации.

Суд приговорил священника к семи годам заключения в исправительно-трудовом лагере с последующим поражением в избирательных правах на три года. Священник подал жалобу, прося пересмотреть приговор. После суда его вернули в вышневолоцкую тюрьму.

16 августа 1938 года Специальная коллегия Верховного суда, рассмотрев его дело, отменила приговор «на том основании, что такой важный документ, как протокол судебного заседания, председательствующим не подписан», показания одного из свидетелей

записаны путано, сказано, что не Мощанский вел антисоветские разговоры, а свидетель. 15 сентября копия определения суда была направлена начальнику тюрьмы для вручения ее обвиняемому, но вручать ее уже было некому. Не вынеся тяжелых условий заключения, протоиерей Владимир Мощанский 7 сентября 1938 года скончался.

Заключенные сами сделали гроб почившему пастырю, и администрация тюрьмы похоронила его как человека, относительно которого старый приговор был отменен, а нового не было, — в отдельной могиле на Пятницком кладбище.

Сразу после кончины священник стал являться начальнику хозяйственной части тюрьмы. Куда бы тот ни шел, чтобы ни делал, перед его взором стоял старый священник. И на рассвете девятого дня, едва рассеялись сумерки, он подошел к дому священника и постучал в окно. Александра Ивановна открыла форточку и спросила, что ему нужно. «Оденьтесь, выйдете, ваш дедушка умер, я покажу вам могилку», — сказал тот. Александра Ивановна вышла, и он отвел ее на кладбище и показал могилу отца Владимира.

Игумен Дамаскин (Орловский),

ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», www.fond.ru

ЛЮДИ

Как Пратхумтхип стала первой тайской матушкой

Истории о женах священников в далекой и жаркой стране

В азиатском православном храме нет привычного для русского храма штата сотрудников — алтарников, певцов и чтецов, преподавателей воскресной школы, уборщиц, свечниц, просфорниц. Поэтому зачастую выполнять все эти функции приходится одному человеку, главной опоре священника — его жене. Мы собрали рассказы матушек, которые трудятся в православных храмах Таиланда.

МАТУШКА ЕЛЕНА,

супруга протоиерея Даниила Ванна, настоятеля храма Всех Святых в г. Паттайя

«Как тайцы разогрели мой студень»

Мой муж стал первым священником-тайцем. Его тайское имя Данай, а в крещении ему дано было имя Даниил. На момент нашего знакомства он был единственным тайским студентом в Санкт-Петербургской духовной семинарии. А знакомство наше произошло самым необыкновенным образом.

Я в это время жила в далеком Ярославле. Приехала туда из Тамбовской области, окончила школу регентов при Толгском женском монастыре и затем устроилась регентом в одном из ярославских храмов. Шли годы, а суженого я так и не встретила, к тому же практически все время проводила в храме, и признаться честно, мечты о семейной жизни уже казались несбыточными. Но однажды мне позвонил знакомый батюшка — архимандрит Олег (Черепанин), который возглавляет духовную миссию в Таиланде (раньше он служил в Ярославле и хорошо знал мою семью), и предложил познакомиться со своим духовным сыном. Я согласилась и уже через два дня приехала в Питер.

Послушники в Успенской монашеской общине, провинция Ратчабури

Никогда не забуду этот день. Даниил встретил меня на вокзале, и мы пошли гулять по городу. Мы посетили святые места Петербурга, и когда стояли в часовне блаженной Ксении, Даниил впервые взял меня за руку. Как будто что-то перевернулось в сердце. Я поняла, что это моя судьба.

Мы сочетались браком после того, как Даниил окончил семинарию, а вскоре мой муж был рукоположен в сан диакона.

Сначала мы служили в Бангкоке, а потом поехали на о. Пхукет, где отец Даниил руководил строительством храма. На острове был самый разгар проливных дождей. С утра до вечера шла стройка, и мне тоже пришлось научиться класть кирпичи и принимать участие в других работах. Вечером, когда рабочие расходились по домам, мы с отцом Даниилом оставались в кромешной темноте, ведь электричество в этом месте еще не было проведено. Земля находилась фактически в лесу. А когда сезон дождей закончился, началась страшная жара — очередное непростое испытание. А теперь отец Даниил является настоятелем храма Всех Святых в городе Паттайя.

Строительство духовного училища на территории Троицкого храма на о. Пхукет

После переезда в Таиланд я постепенно начала входить в новый ритм жизни. Пошла на курсы тайского языка, освоила приготовление нескольких местных блюд, понемногу привыкала к тропическому климату.

Вспоминаю разные забавные случаи из нашей экзотической жизни. Однажды я сварила мясной холодец и поставила его застывать в холодильник. В то время у нас гостили тайцы, знакомые отца Даниила. И когда пришло время обеда, то они, не ведая, что это блюдо нужно подавать охлажденным, взяли и разогрели студень. Изумлению моему не было предела: варила холодец, а накормила супом.

Что касается отца Даниила, то он быстро и легко научился готовить некоторые наши кушанья и периодически удивляет нас вкусным борщом, ароматными котлетками, квашеной капустой и румяными блинчиками.

По традиции после воскресной службы отец Даниил приглашает прихожан в трапезную, угощает чаем, и мы с удовольствием общаемся с нашей многонациональной паствой.

МАТУШКА МАРИЯ,
супруга отца Андрея Иващенко, настоятеля храма равноапостольного князя Владимира в г. Чиангмай

Первая матушка-тайка

До крещения меня звали Пратхумтхип Саенгратчабут.

Я родилась в провинции Таиланда, в простой тайской семье. О христианстве до знакомства со своим будущим мужем я знала немного. Видела распятие в католических храмах со страдавшим на нем Христом, и мне было Его очень жаль. Я всегда хотела найти Бога. Друзья, которые были очень разных вероисповеданий, тянули меня каждый на свою сторону. А я поверила только благодаря своему супругу.

Андрей был семинаристом и приехал в Таиланд по приглашению архимандрита Олега (Черепанина) петь в его соборе в Бангкоке. Однажды в этот храм для разработки сайта пригласили моего дядю-программиста, он поехал туда и прихватил с собой меня. Помню, как

поразил меня этот собор — и все время, пока ждала дядю, я ходила по нему и рассматривала иконы. И тут ко мне подошел молодой человек и начал мне что-то об этих иконах рассказывать. Это был Андрей, мой будущий муж.

Когда мы познакомились, то сразу почувствовали душевное родство, и даже языковой барьер не стал для нас помехой. Андрей многое рассказывал мне о православии — и я увидела, как он любит своего Бога. Чтобы быть к Андрею, который так мне понравился, ближе, я захотела узнать этого Бога, и тогда мы вместе стали читать Евангелие, Закон Божий, разные книги о вере. И со временем я решила принять Крещение. А после этого мы с Андреем поженились и обвенчались.

Многое для меня оставалось непонятным. Но то, что было не понято моим умом, было принято сердцем. Никогда раньше я не встречала таких понятий, как смирение, послушание, кротость, и поначалу они были мне чужды. Разве смирение — это не слабость? А что говорить о послушании, когда современный мир диктует совсем другие правила!

Тайская молодежь изучает основы иконописи при храме Всех святых в г. Паттайя

Еще мне не хотелось молиться за врагов и недоброжелателей — и я поражалась, сколько же любви в этой вере! И тогда я просто поняла, что истина — здесь. Когда между нами, молодыми супругами, возникает недопонимание, мы стараемся не зацикливаться на собственном эгоизме, а идем в храм, молимся, и тогда все встает на свои места.

Спустя немного времени мой муж стал священником. А я — первой православной матушкой-тайкой. Мне еще многому предстоит научиться, чтобы быть верной помощницей и спутницей для моего мужа. Сейчас отец Андрей уже достаточно хорошо говорит по-тайски, но когда нужно решать сложные хозяйственно-бытовые вопросы с тайцами, я помогаю ему и перевожу незнакомые для него слова. И он помогает мне в общении с русскими прихожанами, которых я очень полюбила за то многое, что они делают для нашего храма.

Мы открываем друг для друга наши разные миры, культуры и традиции. Мне радостно, что в Церкви во многом стирается чувство принадлежности к чему-то земному. Здесь нет тайцев, русских или людей других национальностей. Здесь есть только душа и ее Создатель, и, конечно, любовь друг к другу.

МАТУШКА ЮЛИЯ,
супруга отца Сергия Шапкина, и.о. настоятеля храма преподобного Сергия Радонежского на о. Ко Чанг

«Мы приехали в Таиланд за смыслом жизни»

Матушкой я стала случайно. Еще несколько лет назад о таком и подумать было бы сложно — настолько мы с мужем были далеки от Церкви. Но так устроил Господь, что, оказавшись в Таиланде в поисках смысла жизни, мы неожиданно для себя открыли Православие.

К тому моменту мы остро ощущали в себе недостаток духовности. Все было обращено к карьере, зарабатыванию денег, к стремлению позволить себе все, чего ни захотим. Ощутив бессмысленность этого пути, мы окунулись в различные оккультные практики, решили полностью перестроить жизнь. И мы уехали в Таиланд, потому что задумали жить в хорошем климате, трудиться на ферме, есть фрукты — то есть делать исключительно то, что нравится.

Ни до одной фермы мы так и не доехали, а трудились сначала на стройке гостиницы из глины, потом на стройке плавучего дома на воде в мангровом лесу. В этом плавучем доме на воде и начался наш путь к Православию — потому что осознали, насколько опасно общение с духами. Мы поняли, что Бога в этом нет, что это не тот путь, который нам нужен. И тогда мы познакомились с местным православным священством, стали активно воцерковляться, впервые осознанно исповедовались и причастились.

Со временем у нас возникло желание служить в Церкви — и по благословению архимандрита Олега (Черепанина), который возглавляет духовную миссию в Таиланде, мы вернулись в Россию, стали студентами Томской духовной семинарии. Сергий изучал слово Божие, а я — премудрости регентского дела.

Так интересно получилось, что мой муж с момента воцерковления стал горячо молиться своему духовному покровителю преподобному Сергию Радонежскому, и перед нашим отъездом в Таиланд мы долго молились вместе в Троице-Сергиевой лавре у мощей преподобного. И когда приехали к архимандриту Олегу в Бангкок, то узнали, что нам определено служить в храме преподобного Сергия Радонежского на острове Чанг! Для нас это не простое совпадение, а явственное ощущение покровительства этого святого.

Крещение на о. Ко Чанг

В Таиланде нам пришлось со многим сталкиваться впервые и в хозяйственно-бытовом, и в духовном плане. Мы оба городские жители, всю жизнь провели в квартире, а тут — большой дом с участком, и ведь первым делом нужно служить и как-то выстраивать общение с приходом.

Мы с большим энтузиазмом взялись за благоустройство прихода и прихрамовой территории. Вместе выдергивали сорняки, вместе планировали участок — и уже к осеннему празднику преподобого Сергия Божьей милостью более или менее привели территорию в порядок и обустроили внутренние помещения. Тут же появилась и другая задача — строительство часовни. С этим, как и с садовыми работами, мы тоже никогда не сталкивались, многому приходилось учиться на ходу. Да и рабочие тоже впервые столкнулись с особенностями христианской архитектуры.

Несмотря на трудности жизни на острове в чужой стране, мы благодарны Богу за то, что оказались здесь! Здесь родился наш сын, здесь жизнь полнится «случайностями» и «совпадениями», через которые видишь, как Господь направляет твою жизнь, здесь ощущаешь свою нужность. Мы надеемся, что со временем в храм станет приезжать все больше и больше паломников, ведь это уникальное место с удивительной историей, которой мы без устали готовы делиться.

МАТУШКА МАРИЯ,
супруга иерея Алексея Головина, настоятеля храма Вознесения Господня на о. Ко Самуи

Когда хор на службе — это экзотика

Мы с будущим мужем познакомились в Санкт-Петербургской духовной семинарии, где он готовился стать священником, а я училась на регента. После обучения мы, уже супруги, вернулись в родной город отца Алексея Томск, там мой муж стал работать секретарем-

референтом в епархиальном управлении и служил диаконом в соседнем закрытом городе Северске. А однажды в Томскую епархию пришло письмо от отца Олега (Черепанина) с просьбой прислать священника для служения в Таиланде, так как на тот момент в Таиланде служил лишь он и отец Даниил Ванна. Тайской православной миссии остро нужны были кадры — священники и диаконы. Выбор пал на моего мужа — и мы согласились. За полтора месяца до нашего переезда в далекую страну отца Алексея рукоположили во иереи — и он поехал в Таиланд уже как пастырь.

Я с раннего детства находилась на клиросе (в городе Гатчине. — Ред.), потому что моя мама тоже была матушкой и читала часы на службе. И почему-то особенно мне нравились богослужения, в которых участвовал не профессиональный, а любительский хор: люди пели очень душевно, стараясь донести до прихожан не музыку, а молитву. И так сложилось, что привязанность к любительскому хору пригодилась мне, когда я стала матушкой, и мы с мужем оказались в Таиланде. Ведь здесь, как правило, главный, а зачастую и единственный певчий и чтец — это матушка. Будут ли на службе дополнительные голоса — это как повезет. А в нетуристическое время порой матушка еще и единственный прихожанин.

Храм Вознесения Господня на о. Ко Самуи

Сначала мы служили на острове Пхукет, а потом переехали на остров Самуи, где достраивался новый храм. Первое время прихожан в храме вообще не было, да и нам самим тяжело было молиться, потому что кондиционеры еще не были установлены, а жара стояла такая, что даже открытые окна и вентиляторы не спасали.

Но мы всё пережили. И со временем появились и первые прихожане, для которых были распечатаны тексты литургии, чтобы они могли следить за ходом богослужения и подпевать, кто как может. Так нашлись и те, кто смог уделять силы и время для обучения церковному пению. Иногда число певчих в храме доходит до шести-восьми человек, но в основном это два-три человека.

В заграничных храмах сформировать постоянный хор затруднительно. Это связано с постоянно меняющимся составом прихожан, ведь большую часть составляют туристы. В Таиланд кто-то приезжает всего на неделю, кто-то на месяц, кто-то на весь туристический сезон. Как-то само собой сложилось, что в репертуаре у нас в основном мои

любимые знаменные, византийские и греческие распевы. В нашей ситуации это очень удобно, ведь наверняка не знаешь, будешь ли ты петь один, или кто-то придет на помощь. А распевы этих мелодий прекрасно звучат как в одноголосном, так и в многоголосном исполнении.

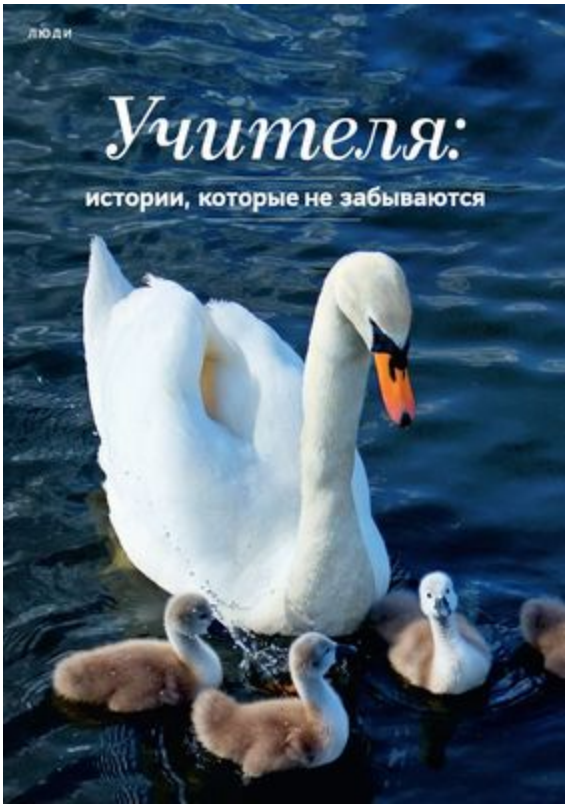
Очень радостно получать письма из разных частей света с рассказами о том, как, начав петь у нас в храме, кто-то продолжил это понравившееся им дело и в родных приходах.

Подготовила Дарья Баринова

Благодарим иерея Алексея Головина за предоставленные материалы.

Фото Ксении Науменко, свящ. Романа Бычкова, Натальи Важениной, Дмитрия Беркута для Русской службы Би-би-си

Учителя: истории, которые не забываются

Работа преподавателя всегда нацелена не длительный результат. Очень часто учитель и не успевает увидеть, как отозвалось в конкретном ученике то, что он когда-то сказал или сделал. А вот бывшие ученики спустя много-много лет помнят об этом.

Будущий архимандрит в советском вузе

Владимир Лавров, историк

Мне вспоминается не школьный преподаватель, а вузовский — Виктор Авраамович Мамонтов. Он преподавал русскую литературу, был верующим интеллигентом. Помню, как мы часами беседовали о Христе.

Я тогда писал стихи и отнес их Виктору Авраамовичу, и его анализ моих стихов оказался важнее всех вузовских семинаров. Он дал доброжелательный и одновременно критический анализ текста. Это мне очень помогло в дальнейшем — хотя стихи я писать перестал, но историк работает именно по источникам, по текстам. К сожалению, его выгнали из нашего института (МГПИ им. Ленина): студенты донесли, что он ходит в церковь.

Впоследствии мой бывший преподаватель стал православным архимандритом, до своей кончины в 2016 году он был настоятелем Свято-Ефросиньевского храма в Карсаве, в Латвии.

О том, как непроста работа педагога, я и сам знаю не понаслышке. Много лет назад работал в одном из престижных частных вузов, где неплохо платили по сравнению с государственными. В январе я принимал свою первую сессию и поставил шесть троек студентам, которые ничего не знали, но, поскольку они платили за обучение, им нельзя было ставить двойки. Меня уволили в тот же день: оказывается, следовало ставить четверки. Между тем — январь месяц, середина учебного года, а на мне двое детей и жена. Найти работу в середине года практически невозможно.

Единственное, что я нашел, — школа для сирот. И вот с января месяца начался кошмар. Хамство, нецензурная брань, издевательство моих учеников — из-за этого я несколько раз вставал посреди урока и уходил из школы, думая, что ноги моей здесь больше не будет. Но к вечеру успокаивался и шел на следующий день опять. Так продолжалось и третью, и четвертую четверти. А потом — летние каникулы. В сентябре прихожу в школу, вхожу в класс. Как-то непривычно тихо. Ученики сидят смирно и вопросительно на меня смотрят, на моем столе стоит чашка с чаем и булочка. «А мы думали, вы к нам больше не придете никогда», — услышал от учеников. С этого момента вопрос о дисциплине отпал. Сейчас думаю, что они испытывали меня, ждали, когда же начну кричать, двойки ставить за дисциплину. А я так не реагировал. И после летних каникул они меня приняли.

Года за два-три удалось отучить их материться. А последняя девушка, употреблявшая нецензурную лексику, перестала это делать после того, как мы на уроках истории посмотрели экранизацию «Войны и мира» Бондарчука…

Отмена лекции «по серьезным обстоятельствам»

Протоиерей Максим Козлов,
председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви

Учителей с большой буквы я встретил в университетские годы. Более всего мне помнится Андрей Чеславович Козаржевский, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ, у которого мы, студенты-классики, филологи занимались греческим языком эпохи Нового Завета. В ту далекую первую половину 80-х годов этот его курс был уникальным и на нем ничуть не меньше, чем о греческом языке, Андрей Чеславович рассказывал о Священном Писании, о Евангелии, о христианстве.

Кроме того, помню его блестящие просветительские лекции, которые он сопровождал показом слайдов в аудиториях 1-го гуманитарного корпуса. Они были посвящены древним русским городам, старинным

нашим достопримечательностям. Эти его рассказы были свидетельством о душе народа нашего, которая была воспитана, взращена святым православием.

У Андрея Чеславовича я, как мог, может быть, не понимая этого, старался учиться. Его лекции — пример, как можно и нужно рассказывать о христианстве светским людям, когда мы не с амвона вещаем, благовествуя аудитории, заведомо с нами согласной, но говорим людям, которым еще предстоит проложить свою дорогу к Церкви.

В Андрее Чеславовиче свидетельство о православии словом удивительным образом соединялось со свидетельством о православии жизнью. Он, чей профессионализм сочетался с личным достоинством, личными добрыми нравственными качествами, навсегда стал примером преподавателя-христианина, православного профессора.

Помню, как-то у нас занятие выпадало в Великий Четверг. Андрей Чеславович сказал: «Лекция не состоится, я не смогу по серьезным обстоятельствам быть на занятиях». Поскольку мы уже были с ним немного знакомы с этой стороны, он с едва заметной улыбкой посмотрел на меня и мы друг друга поняли: конечно, в Великий Четверг занятий быть не может. Все мы должны быть в храме на Божественной литургии. Вечная память Андрею Чеславовичу! Его светлый образ всегда в моем сердце.

Умеющие прощать

Ольга Будина, актриса

Я — дитя 90-х, и в наше время мы много бунтовали, срывали уроки. Но учителя нам это прощали. Не попустительствовали, а именно прощали, как мудрые и сильные, и мы это понимали, осознавали, а потому были благодарны. Таким добрым и мудрым педагогом была наша классная руководительница Галина Сергеевна Конохова, вечная ей память.

Я считаю, что личность учителя важнее статуса школы. Мне вообще нравится выражение Марка Твена: «Учеба в школе не должна мешать твоему образованию». Я не считаю, что дети в современной школе должны стремиться только к получению хороших оценок. Они в конечном счете ничего не значат, особенно если вдумчиво просмотреть учебники, по которым сейчас учат наших детей. А сколько вокруг нас «успешных» людей, которые знают, как зарабатывать деньги и в

материальном плане имеют многое, но радости в их глазах нет! Самое важное — это то, как проживает жизнь человек. Любовь к своему делу, любовь к людям, взаимовыручка, взаимопонимание. Уметь наслаждаться общением с людьми, а не терпеть их присутствие. Уметь радоваться, уметь прощать, уметь дарить. Ведь разве не эти качества делают нас счастливыми?

Помню, у классного руководителя моего сына Марины Петровны Мельчуговой был день рождения, и мы решили составить кроссворд про нее и подарить ей. И вот я спрашиваю сына: «Какая самая главная черта характера Марины Петровны?» Он отвечает: «Доброта».— «А что или кого она больше всего любит?» И сын, не задумываясь, ответил: «Детей»!

От всей души я желаю всем родителям тоже встречать в школе таких учителей! Наши дети очень много времени проводят в школе, и крайне важно, кто с ними там находится. Глубоко убеждена, что учеба — это прежде всего искренние, доверительные отношения и радость сотворчества учителя и ученика.

Подготовила Оксана Головко

Подвиг учителя. Подвиг пастыря

Яхотел бы поделиться своими воспоминаниям о владыке митрополите Никодиме (Ротове). Это был иерарх, который жил духовными школами. Сейчас это, наверное, трудно представить, но, будучи секретарем владыки, я был свидетелем того, как он до глубокой ночи принимал студентов и воспитанников. Иногда эти приемы заканчивались в час ночи или даже позже. Около его двери всегда толпились студенты. Кого-то он сам вызывал, у кого-то была потребность пообщаться со своим наставником.
Удивительно, что первый инфаркт случился у него еще в молодом возрасте, когда ему было 45 лет. А умер он от седьмого инфаркта. Это свидетельствует о том, что сердце его надрывалось. Помимо того, что митрополит Никодим возглавлял Санкт-Петербургскую кафедру, он был председателем Отдела внешнецерковных сношений, как тогда называлась эта организация, и был на стыке церковно-государственных отношений.

Владыка митрополит обладал поразительным умом и необычными способностями. Достаточно сказать, что он очень хорошо говорил по-английски, по-гречески и по-древнееврейски, хотя никогда систематически не учил эти языки. Он обладал феноменальной памятью и любил, чтобы близкие устраивали ему экзамен. Помню, отец Ливерий Воронов, профессор Ленинградской академии, в то время лучший богослов нашей Церкви, нередко, завтракая с владыкой, с легкой улыбкой спрашивал его, а какие святые поминаются, допустим, 20 ноября. И владыка называл имена тех святых, кто поминается в этот день. А в такой-то день? Владыка опять называл всех, чья память приходится на этот день. Пораженные, мы спрашивали: как Вы можете все это помнить? Владыка отвечал, что, будучи молодым священником (а священником он стал в юные годы), каждый день совершал Литургию и считал, что нужно помянуть всех святых, вот и запомнил, какие святые празднуются в каждый день года.

Владимир Гундяев, будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, с митрополитом Ленинградским Никодимом (Ротовым). 1960-е гг.

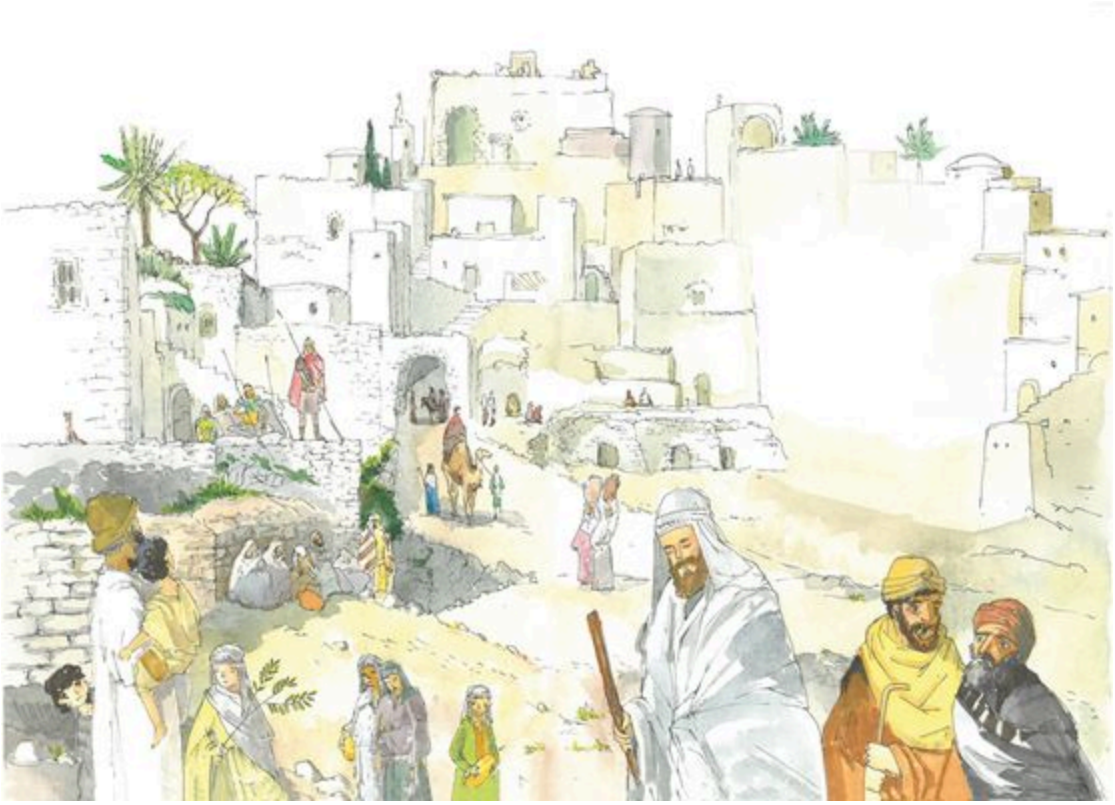
И этот человек, обладавший незаурядными способностями и дарами от Господа, все свои силы направлял на то, чтобы защитить Церковь. В то тяжелейшее время, когда удары по ней наносились со стороны государственной власти, он как председатель Отдела внешних церковных сношений первым принимал эти удары. Нужно сказать, что до владыки Никодима мы имели иерархию, надломленную гонениями. Большинство послевоенных архиереев были людьми, прошедшими через тюрьмы и лагеря. Их освободили после исторической встречи Сталина с митрополитом Сергием, митрополитом Николаем и митрополитом Алексием. Они вернулись в церковную ограду со страшными воспоминаниями о скорбях и потому были не готовы к противоборству с властью. А владыка Никодим часто говорил: я родился в Советском Союзе; я верю в Бога, но мы граждане одной и той же страны. Отталкиваясь от этого основания, он защищал Церковь так, как не могли ее защищать архиереи довоенного рукоположения.

Некоторым казалось, что он поступает очень рискованно, очень дерзко, но другого пути не было. С его архиерейского подвига началось выстраивание иных отношений Церкви и власти. Когда сегодня мы говорим о полной свободе Церкви и ее автономии от государственной власти, то, конечно, нужно понимать, что решающими в данном случае были те политические изменения, которые произошли в стране. Но именно владыка Никодим воспитал в своих учениках способность и готовность выстраивать отношения с властью так, как они выстраиваются сегодня. То, что он умер в 47 лет от седьмого инфаркта, принимая на себя все эти удары, это свидетельство о его исповеднической жизни.

Я благодарю Бога за то, что, будучи воспитанным в очень благочестивой семье, я поступил в семинарию и оказался среди людей, окружавших митрополита Никодима. Владыка проявил особую отеческую любовь ко мне и достаточно рано избрал меня своим личным секретарем. Я вместе с ним работал, был свидетелем огромных трудов, которые он нес, и храню в себе то, что он в меня вложил. И поэтому в момент Патриаршей интронизации, восходя на Патриарший престол, я мысленно восходил на него вместе с владыкой Никодимом.

Патриарх Кирилл
Из слова при посещении Александро-Невской лавры. Санкт-Петербург, 2 ноября 2014 года. Заголовок дан редакцией

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Народы в Евангелии

Галилеяне, самаряне, гадаринцы — что мы о них знаем?

На свете живет много разных народов. Есть русские, есть китайцы, есть немцы, французы, итальянцы, армяне… Понять, чем они отличаются друг от друга, в общем-то, просто: у каждого народа есть на свете земля, которую он считает своей родиной. У русских это Россия, у грузин — Грузия, у японцев — Япония. У всех — своя особая культура, свой язык, порядки, обычаи. Вроде бы все понятно.

Но при чтении Евангелия в тексте то тут, то там встречаются названия каких-то странных народов — самаритяне, галилеяне, гадаринцы… Кто все эти люди? Где они жили и чем занимались? Почему так называются? А ведь в Евангелии нет ничего случайного. И если эти народы там упоминаются, значит, нужно обязательно разобраться со всеми этими вопросами и выяснить, о ком идет речь.

Самаритяне (самаряне)

Всем, кто хотя бы понаслышке знаком с Евангелием, известно выражение «добрый самарянин». Это — персонаж из притчи Иисуса Христа о том, как разбойники ограбили, изранили и бросили у дороги несчастного путника. По дороге шли благочестивые люди — сначала священник, потом служитель Иерусалимского храма. И оба прошли мимо, оставив беднягу умирать. Лишь самарянин, ехавший по своим делам, остановился и перевязал несчастному его раны. Потом бережно усадил его на своего ослика и привез в гостиницу. Там он щедро заплатил служителям, чтобы они ухаживали за раненым до тех пор, пока он совсем не выздоровеет. Этот поступок самарянина Иисус Христос поставил в пример благочестивым иудеям, показывая, что люди должны жалеть попавших в беду и помогать друг другу, независимо от того, кто к какому народу принадлежит. Кто же такие были самаряне?

Так называли в ту пору жителей города Самарии и его окрестностей. У этого города была древняя история, но среди иудеев его название не вызывало никакого уважения и скорее было чем-то сродни ругательству. Дело в том, что самаряне поклонялись не только истинному Богу, но еще и идолам — истуканам, сделанным из дерева и

металла. То есть были язычниками, с которыми закон иудеев запрещал общаться.

Когда-то еврейский народ разделился на две неравных части. Из двенадцати племен лишь два остались верными Богу, которому они продолжили поклоняться в Иерусалимском храме. Остальные племена основали свое отдельное царство, где стали поклоняться идолам — золотым тельцам. Столицей этого царства стал город Самария. Два племени, оставшиеся верными Богу, стали называть себя иудеями, а свое царство — Иудейским. Поклонившиеся же идолам племена назвали свое новое царство Израильским.

Это было большое и могущественное государство. Его цари были сказочно богаты. Они построили себе замок, весь отделанный слоновой костью. А надо сказать, что слоны в тех местах не водятся. Их бивни приходилось везти для стройки из далеких африканских стран, и потому слоновая кость стоила в те времена очень дорого. Но ради славы и роскоши самарийские цари не поскупились. Когда ученые в прошлом веке стали проводить на месте древней Самарии раскопки, они обнаружили, что земля здесь буквально усеяна кусками резных панелей из слоновой кости. На крупных кусках сохранились фрагменты изысканных узоров и картин. Это были части отделки знаменитого дворца.

Бог посылал царям израильским богатство и благополучие, но они все равно продолжали поклоняться идолам. Правда, нельзя сказать, чтобы цари израильские совсем уж забыли своего Бога. Они и Ему поклонялись тоже, у них были священники, которые служили истинному Богу. И в то же время цари строили храмы для языческих божеств, где ослепленные ложной верой люди приносили в жертву идолам своих маленьких детей.

Такое безобразие не могло продолжаться бесконечно. Бог прогневался на царей израильских и отнял у них все, чем они владели. Их земли захватили ассирийские войска. Жителей воины угнали в рабство, а на их место привели переселенцев-язычников из других стран.

Так на земле царства Израильского стали жить чужие племена. Они не были одного рода с евреями и поклонялись идолам, которых привезли с собой. Но не успели переселенцы-язычники обустроиться на новом

месте, как вдруг случилась нежданная беда — на них стали нападать львы. Они приходили из пустыни и убивали людей прямо на улицах городов. Львов было столько, и были они такие ужасные, что даже самые смелые воины не могли защитить горожан от этой напасти. Ассирийскому царю донесли, что новых жителей захваченных земель убивают львы. Тогда царь повелел: «Отправьте туда одного из священников, которых мы выселили оттуда. Пусть пойдет назад и живет там, и научит их закону Бога той земли».

Так и сделали. Священник научил переселенцев молиться истинному Богу. Но и своим идолам они тоже продолжали поклоняться. Земля, на которой жили эти люди, стала одной из провинций ассирийского царства. А столицей там по-прежнему оставалась Самария. Поэтому даже спустя века потомков этих чужеземных полуязычников евреи презрительно называли самарянами.

Во времена Иисуса Христа своей отдельной провинции у самарян давно уже не было. Они просто жили по соседству с иудеями на земле Израиля. И по-прежнему поклонялись Богу Израиля, как когда-то священник научил их предков. Но иудеи не признавали их за своих

единоверцев, ведь самаряне поклонялись также и идолам. Тогда самаряне построили себе храм на горе Гаризим, и стали молиться там. Для иудеев это было страшным оскорблением. Они считали, что молиться Богу можно лишь в Иерусалимском храме. Возмущенные иудеи перестали даже разговаривать с самарянами, чтобы не осквернить себя общением с этими дерзкими полуязычниками.

Жители страны Гадаринской

Страной Гадаринской в Израиле называли окрестности Гадары — города, расположенного на противоположном от Галилеи берегу Генисаретского озера. Это был город, основанный не местными жителями, а подданными знаменитого царя-завоевателя Александра Македонского. Здесь жило много греков, и построена Гадара была тоже по образцу древнегреческих городов. Впоследствии, Гадара стала одним из культурных центров Римской империи на захваченных римлянами местных землях. Сейчас на ее месте находится поселение под названием Умм-Кайс. Остатки городских ворот, колоннады театров до сих пор наглядно говорят о богатстве и величии прежней Гадары.

Развалины соседнего города Гергесы еще обширнее и красивее, чем гадарские. Уцелевшие части трех храмов, двух величественных мраморных амфитеатров и множество античных колонн — уникальные памятники эпохи римского владычества на Ближнем Востоке. Сейчас руины Гадары и Гергесы находятся на территории государства Иордания.

Но вовсе не по причине изысканной архитектуры люди во всем мире до сих пор помнят названия этих давно разрушенных городов. Дело в том, что именно в окрестностях Гадары Иисус Христос совершил одно из Своих самых удивительных чудес — изгнал множество злых духов из бесноватого человека.

На высоком обрывистом берегу Генисаретского озера между Гадарой и Гергесой были расположены погребальные пещеры. Местные жители выдолбили в камне глубокие ходы, ведущие внутрь горы из мягкого камня — известняка. В этих ходах были боковые ниши, в которых гадаринцы хоронили своих мертвецов. Здесь и обитал несчастный человек, одержимый злыми духами — бесами. Он все время кричал страшным голосом, метался, бился о камни. А когда его пытались связать, чтобы он не покалечил себя, то бесноватый разрывал даже железные цепи. Но когда этот человек увидел Иисуса Христа, то тут же подбежал и поклонился Ему. Злые духи, которые находились в нем, испугались Иисуса и поняли, что Он сейчас изгонит их из человека, которого они так долго мучили. Неподалеку паслось большое стадо свиней. И бесы стали просить, чтобы Иисус разрешил им войти в

свиней. Иисус разрешил. Но злые духи не зря называются злыми. Едва обретя себе новое пристанище, они тут же погубили все стадо, заставив свиней броситься в воду с обрыва. А исцеленный человек остался рядом с Иисусом и не проявлял больше никаких признаков своего прежнего безумия.

Казалось бы, произошло великое событие — много лет страдавший человек вдруг выздоровел. Всем его соплеменникам нужно радоваться, веселиться и благодарить Иисуса за это чудесное исцеление их родственника. Но вместо этого гадаринские жители поступили так странно, что теперь весь мир вспоминает о них именно по этому поступку. Увидав, что их свиньи погибли, гадаринцы стали просить Иисуса… уйти из их земель. В явном чуде Божьем утонувшие свиньи оказались для них важнее спасенного человека. Иисус не стал им перечить. Он ушел и никогда больше не возвращался в Гадаринскую страну. Лишь исцеленный Им человек потом рассказывал своим землякам об удивительном галилейском Учителе, который мог изгонять бесов, но Сам оказался изгнан людьми из-за потопленного свиного стада.

Галилеяне

Этот народ упоминается в Евангелии очень часто. Причина этому весьма уважительная: почти все апостолы были галилеянами. И самого Иисуса Христа тоже много раз называли не иначе как Галилеянином. Все они жили в местности, которая называлась Галилея.

Это была самая северная часть Израиля. Название свое она получила от слов «глиль-ха гоим», что в переводе на русский язык означает «место, где рассеяны разные народы». И действительно, среди жителей Галилеи были не только евреи, но и ливанцы, и сирийцы, и греки, и финикияне. После завоевательного похода Александра Македонского эта земля много раз переходила к разным властителям, которые заселяли ее то одним народом, то другим. Вот и получилось в результате то самое рассеяние народов.

Но такое разнообразие культур пошло местным евреям только на пользу. Жители Галилеи были очень общительными, живо перенимали любой добрый опыт у своих соседей-иноземцев. Они поклонялись истинному Богу, отвергали языческих идолов, но оставались открытыми для всего нового и интересного. Благодаря общению с соседними народами, галилеяне приобрели терпимость к чужим культурам и примирительный характер, за что в Иудее на них смотрели с пренебрежением.

И действительно, галилеяне сильно отличались от остальных иудеев. Даже говорили они с сильным акцентом, по которому их сразу можно было определить в любой толпе. Из-за этого особого говора им даже не разрешалось читать вслух общие молитвы в иудейских собраниях. В глазах гордых и ревнивых жителей Иерусалима они слыли за невежд и глупцов. Но это были несправедливые обвинения.

Галилеяне много трудились, заботились о своих стариках и вдовах. А когда наступала пора с оружием в руках защищать родную землю от врагов, не было в Израиле более отважных и непримиримых воинов, чем жители Галилеи. Простодушные и искренние, галилеяне в то же время были очень вспыльчивыми и горячими людьми, всегда готовыми биться за правду. Во времена, когда земля Израиля была захвачена римлянами, в Галилее то и дело вспыхивали бунты, восстания, появлялись отряды тайных борцов с захватчиками.

Столь часто упоминаемые в Евангелии города — Капернаум, Хоразин, Кана, Назарет — все расположены в Галилее. Именно здесь, в окрестностях Генисаретского озера, более всего проповедовал Иисус Христос.

* * *

Галилеяне, самаряне, гадаринцы… Все эти народы объединяет презрение, с которым относились к ним правоверные иудеи, жившие в Иерусалиме. Их ругали за общение с язычниками, но именно к ним прежде всего шел Иисус Христос с проповедью Евангелия. Он делает своими помощниками не ученых иерусалимских раввинов, а простых галилейских рыбаков. Он не брезгует на виду у всех беседовать с самарянкой-язычницей у колодца. Он исцеляет гадаринского бесноватого, не смущаясь тем, что этот народ нарушает закон Моисеев и на продажу выращивает свиней для римских жителей Гадары и Гергесы. Отверженные и унижаемые иудеями народы так же дороги и близки ему, как жители Иерусалима. Но судьба этих народов сложилась очень по-разному. Из пылких галилеян вышли первые проповедники новой веры в Спасителя — апостолы и жены-мироносицы. Презренные самаряне стали первым языческим народом, у которого появились христианские церкви. Жители же страны

Гадаринской «прославились» тем, что ради свиней не допустили Спасителя на свою землю.

Бог одинаково любит всех людей и каждый народ на Земле — Его дети. Но там, где люди сами отвергают эту любовь, даже всемогущий Бог ничего не может поделать.

Александр Ткаченко

Рисунки Галины Воронецкой

Подари «Фому»!

Хочешь помочь неимущим получать «Фому»?

Многодетные семьи, одинокие старики, тяжелобольные люди и сельские приходы не всегда могут позволить себе подписку на наш журнал. Мы получаем много писем с просьбами помочь им в этом и всегда тщательно проверяем каждое обращение.

Помогите нам сделать «Фому» доступным для всех.

Пожертвовать на благотворительную подписку можно:

1) с помощью денежного перевода на эти реквизиты:

Получатель: Фонд «Фома Центр»
Расчетный счет: 40703810900000010572
в АКБ «РосЕвробанк» (АО) г. Москва
БИК: 044525856 к/с: 30101810445250000856
Назначение платежа:
«Пожертвование на Благотворительную подписку»

2) на сайте «Фомы» в разделе «Подписка»

найдите пункт «Благотворительная подписка» и нажмите на кнопку «Помочь»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!